
Б41 3/113

А. А. Иоффе (В. Крымский)

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ
МОСКВА — 1922

Р, Ц. № 281. Тир. 5.000.

39-я Типография М. С. Н. Х., «Мосполиграф», Путинковский, 3.

I. Причины Генуэзской конференции.

1. Общее международное положение. Борьба буржуазных государств с Советской Россией и между собой.

С тех пор, как в России победили рабочие и крестьяне и взяли власть в свои руки, буржуазия всего мира вела ожесточенную борьбу против Советской России, стремясь всеми силами и средствами уничтожить Рабоче-Крестьянскую власть.

Не имея силы и возможности, в виду сочувствия Советской России трудящихся всего мира, вести открытую войну против нее, мировая буржуазия устраивала всякие заговоры и восстания внутри России и поддерживала белогвардейских генералов и адмиралов, контрреволюционных помещиков и заводчиков, которые в России вели борьбу против рабочих и крестьян за восстановление своего прежнего господства. Вместе с тем мировая буржуазия старалась взять Советскую Россию измором; она окружила ее железным кольцом блокады так, что ничего нельзя было вывозить из России и ничего нельзя было туда ввозить.

Всем памятно это тяжелое время и на этих воспоминаниях незачем подробно останавливаться.

Нам важно, однако, отметить, что если бы в этот период все буржуазные государства были единодушны, если бы все они вели одну и ту же политику и не враждовали между собой,—Советская Россия, быть может, не выдержала бы всей тяжести такой борьбы.

Но единства в буржуазном лагере никогда не было. Даже ближайшие соседи России, малые республики, создавшиеся на территории бывшей Российской Империи, враждовали между собой то по вопросам о территории, о своих границах, то по каким-либо иным.

В героической борьбе Рабоче-Крестьянской России против всего буржуазного мира, таким образом, прибавлялось еще одно оружие: возможность использовать внутренние нелады буржуазии и использовать все возрастающее разложение буржуазного мира.

После мировой войны во всем мире создалось очень тяжелое положение, от которого прежде всего страдают имущественно слабые классы, т.-е. трудящиеся. Но страдают не только они. Экономически слабые государства тоже нелегко переносят тяжелую борьбу с сильными и могущественными государствами, стремящимися овладеть всем миром. В этой борьбе буржуазия экономически более слабая становится врагом буржуазии богатой и сильной. Советская Россия—единственное государство, не ведущее никакой империалистической,

захватнической, насильнической политики. Она—единственная за-щитница не только всех угнетенных классов, но и угнетенных народов

Свою борьбу против буржуазного мира Советская власть по-этому могла вести и так, чтобы привлекать, перетягивать на свою сторону государства угнетенные, буржуазные государства, которым не вмоготу борьба против больших империалистических хищников и которые начинают уже верить в честную, бескорыстную политику Советской России.

Правда, эти новые друзья были плохими друзьями и совсем не были союзниками в борьбе против буржуазного фронта, ибо и в этих малых государствах господствовала буржуазия, которая всегда боится власти рабочих и крестьян и внутренне, конечно, больше симпати-зирует даже своим буржуазным врагам, нежели своим пролетарским попутчикам. Это—плохие, неверные друзья, но тем, что эти малые и слабые государства заключали в свое время мирные договоры с Советской Россией,—они разрывали единый буржуазный фронт и ослабляли буржуазный натиск на Россию.

Но борьба внутри буржуазного лагеря ведется не только между малыми и большими государствами. Она еще с гораздо большим оже-сточением ведется и между крупными акулами империализма.

Такая именно борьба привела к последней империалистической мировой войне, которая стоила стольких жертв человечеству, но не разрешила тех спорных вопросов, во имя разрешения которых велась.

Мировая война 1914—1917 годов, окончившаяся победой Антанты, т.-е. союза государств, во главе которых идут Англия, Франция, Италия и Япония (а также во время войны были Соеденненые Штаты Северной Америки)—уничтожила германский империализм и гер-манское военное могущество, но не создала мира и спокойствия.

Наоборот, в результате этой войны стало еще нервнее и беспокой-нее. Как и до войны, все государства вынуждены вооружаться до зубов, вынуждены вооружаться наперерыв друг перед другом, и как и до войны,—даже больше, чем до войны,—громадная часть доходов всех стран поглощается расходами на эти вооружения, и все народы тяжко страдают от непосильного бремени налогов, возлагаемых на их плечи для содержания этого «вооруженного мира».

Англия, которая воевала за сохранение своего морского могу-щества и господства в мировой торговле, после победы над Герма-нией не добилась того, за что воевала. Ибо Америка чрезмерно обога-тилась во время войны на военных заказах для воюющей Европы и стала самым страшным конкуррентом Англии. Если теперь англий-ский военный флот еще остается самым сильным в мире, то все же для Соединенных Штатов Северной Америки очень не трудно создать флот, гораздо более сильный, нежели английский: известно, что если бы Америка выполнила свою морскую строительную программу, то через пять лет она имела бы флот сильнее, чем соединенный англо-японский. Для Англии же принятие этого вызова, конкуррирование с С.-Америкой в постройке новых военных судов *означает полное разо-рение.*

Поэтому летом нынешнего года державы-победительницы попыта-
лись разрешить этот спор мирным путем. На Вашингтонской конфе-
енции Америка добилась расторжения ненравящегося ей Англо-
Японского Союза, и все державы обязались ограничить свои морские
вооружения, установив, какое количество новых военных судов
в какой именно срок каждое из них имеет право построить. Но уже
теперь Япония не выполняет своих обязательств и приступает к по-
стройке судов, *сверх* разрешенной ей программы. Нет никакого сомне-
ния, что и другие участники Вашингтонской конференции не станут
выполнять своих обязательств.

Но этим не ограничиваются споры Европы с Америкой, ибо, хотя
последняя делает вид, что совершенно не вмешивается в европей-
ские дела и отказывается принимать участие в каких бы то ни было
европейских конференциях,—она делает это только потому, что все
европейские государства очень много ей должны и она боится, что при
открытом ее вмешательстве в европейские дела подымется вопрос
об аннулировании, списывании долгов Европы Америке. На деле же
американские капиталисты, благодаря своему финансовомумогуществу,
своему богатству постоянно давят на европейские биржи, на банки
Европы и на европейскую промышленность, и таким путем не только
очень сильно вмешиваются в европейские дела, но, быть может, и
командуют буржуазной Европой.

Таким образом, если сейчас у Англии еще нет открытого кон-
фликта с Америкой, то столкновение между ними все ближе и грознее
надвигается.

Еще тревожнее положение внутри самой Европы.

Англия, расположенная на европейских островах, вынуждена,
благодаря своему географическому положению не только очень зорко
следить и бороться за сохранение своего морского могущества, но
принуждена чрезвычайно ревниво относиться к тому, чтобы на мате-
рике Европы не создавалось особенно сильного государства, которое
в состоянии было бы там господствовать. Поэтому английская поли-
тика в Европе всегда сводилась к тому, чтобы не допускать тем или
иным путем возникновения в Европе такого государства или бороться
против него, если оно все же создавалось.

Когда во времена Наполеона I таким государством была Франция,
Англия все время царствования Бонапарта воевала против нее. Когда
таким государством при Николае I стала Россия, она вела борьбу
против нее, пока в результате Севастопольской кампании не подо-
рвала значения России в Европе. Наконец, английская же политика
была одной из причин мировой войны, первым поводом которой было
стремление уничтожить немецкую конкурренцию.

Но когда это было достигнуто, когда Англия забрала себе герман-
ские колонии, уничтожила Турцию и разрушила германское влия-
ние на ближнем Востоке, когда, наконец, перестал существовать гер-
манский военный флот,—тогда *для Англии* цель войны была достигнута
и дальнейшая враждебная против Германии политика становилась

уже не только *бессмысленной, но и опасной,* так как она выдвигала нового конкурента, Францию.

Раз в Европе не существует сильной Германии, совершенно нет Австро-Венгрии, как объединенного и могущественного государства и изолирована Россия, — то единственным хозяином остается Франция, так как последняя так называемая «великая держава», Италия— слишком слаба, чтобы конкуррировать с Францией. Франция, таким образом, становится «вне конкурренции». А это как раз то, чего не может допускать Англия, для которой всякое господствующее на материке Европы государство недопустимо и которой, конечно, совершенно безразлично, почему именно данное государство господствует, по причине ли своей чрезмерной силы или же по причине слабости других европейских континентальных государств.

Во всяком случае тут начинается борьба Англии против Франции тут зарождается франко-английский конфликт, который еще усугубляется неизбежными особенностями французской буржуазной политики.

В отличие от Англии, современная *Франция*—непримиримый враг Германии. Для Франции недостаточно отобрать у Германии обратно Эльзас и Лотарингию, ей недостаточно разрушить военную и экономическую мощь Германии, сокрушить германский империализм. Франции необходимо, чтобы Германия *никогда не могла возродиться*.

Территориальные и хозяйственные интересы между Германией и Францией так взаимно переплетены, а историческая вражда их так сильна, что примирение между ними в буржуазных условиях вряд ли возможно.

Подобно тому, как Франция, побежденная Германией в войне 1870—1871 года, навеки стала врагом последней, все время помышляла о реванше и мечтала о возврашени и в свое лоно Эльзаса и Лотарингии,—Германия теперь, побежденная в войне 1914—1917 гг., должна по мнению Франции, стать вечным врагом ее, не может не помышлять о реванше и не мечтать о возвращении отобранных у нее Францией территорий.

Но если победа Германии над Францией в свое время явилась началом германского могущества, привела к невероятному усилению Германии, то победа Франции над Германией теперь скорое ослабила «победительницу». Весь север Франции лежит в развалинах и, несмотря на то, что четыре года прошло уже с окончания войны,— до сих пор не восстановлен с одной стороны потому, что восстановление это действительно требует почти непосильных для Франции затрат с другой же стороны и, быть может, главным образом,—потому, что нешнее французское правительство умышленно не делает усилий для восстановления этих районов, так как такие развалины и внутри страны, в общественном мнении французских народных масс, и вне ее, в общественном мнении за границей, более или менее оправдывают непримиримую политику Франции по отношению к Германии.

Еще тяжелее для Франции то, что она в мировой войне потеряла несколько миллионов убитыми и искалеченными и *никогда* уже не

сможет пополнить этой убыли, ибо и до войны население Франции не увеличивалось, а уменьшалось, а теперь, благодаря этим незаменимым потерям, уменьшается еще больше и скорее.

Объективно Франция слаба, объективно она собственными своими силами *никогда* не сможет оправиться после невероятного кровопускания, причиненного ей войной. А так как все на свете относительно, то и слабость Франции становится незаметной и неощутимой, если противники ее еще слабее. Главнейшим таким противником, как указано, является Германия, Германия, которая по мнению многих европейских авторитетов объективно может быстрее всех оправиться после войны. Мировая война почти совсем не велась на территории Германии, только русский поход в начале войны причинил кое-какие разрушения в Восточной Пруссии, которые еще во время войны были восстановлены. Промышленность Германии тоже мало пострадала. Наконец, Германия меньше других потеряла убитыми и калеками и народонаселение ее уже начинает с каждым годом возрастать.

Считая Германию своим естественным, так сказать, навеки непримиримым врагом, Франция в своей политике стремится к тому, чтобы не допускать возрождения Германии, не допускать создания опять сильной Германии, которая для безнадежно слабой Франции станет еще более опасной, чем была до войны и может грозить самому ее существованию. Поэтому Франция стремится отторгнуть от Германии самые жизненно ей необходимые территории, как Верхнюю Силезию, и налагает на Германию непосильные контрибуции, которые нужны Франции еще и потому, что без чужих денег она уже совсем не может справиться со своими экономическими трудностями.

Но вырождающаяся, обессиленная современная буржуазная Франция своим беззубым ртом шипит не только против Германии, а цепляется за все то, что хоть немного, хоть по видимости укрепляет ее старческие силы и борется против всякой чужой силы вообще. Ей нужна европейская разруха, ей нужны такие государства, которые не имеют шансов на самостоятельное и независимое существование и которые поэтому вынуждены будут оставаться ее послушными вассалами. На словах защищая независимость возникших после войны европейских республик, Франция на деле стремится даже территориально придать им такую конфигурацию, чтобы они не могли существовать самостоятельно. Поэтому Франция именно и является духовной матерью всей европейской чересполосицы, всех тех бесчисленных коридоров и коридорчиков, которые не только политически ослабляют все заинтересованные государства, но затрудняют и экономические сношения и увеличивают и закрепляют общую экономическую разруху.

По той же причине Франция борется и против возрождения России, так как сильная Россия—независимо от того, что она может стать другом Германии и, следовательно, врагом Франции,—сама по себе подчеркивает и усугубляет слабость последней, в то время, как, наобо-

рот, при отсутствии какого бы то ни было сильного государства на континенте Европы слабость Франции не столь для нее ощутима.

Впрочем, ненависть нынешней буржуазной Франции к Советской России, конечно, имеет и другие причины чисто-классового характера. Но то, что эта ненависть во много раз сильнее ненависти других буржуазных правительств, показывает, что в известном отношении и она все же уходит корнями в ту же политическую и экономическую слабость буржуазной Франции.

Чтобы лишь в чем-нибудь опираться не на слабость, а на силу, Франция пытается стать застрельщиком воинствующей буржуазии, и *буржуазный легитимизм*, буржуазную законность кладет в основу своей как внутренней, так и внешней политики. Забывая о лозунге: «свобода, равенство и братство», начертанном прошлой великой революцией на ее знамени, современная Франция пишет: «буржуазная собственность, буржуазное право, буржуазное насилие» и, становясь в авангарде мировой реакции и контр-революции, делается жандармом современного буржуазного мира. Правда, это—лавры безумца Герострата, но мания величия находит все же здесь свое удовлетворение, а внутренняя гнилость и разложение становятся менее заметными.

Так выглядит политически современный буржуазный мир. Борьба всех против всех. Всеобщее политическое разложение, полное бессилие залечить кровавые, смертельные раны войны; наконец, в результате всего этого абсолютная невозможность справиться со всеми экономическими трудностями, порожденными и усиленными мировой империалистической войной.

Экономическая разруха. Мировой промышленный и торговый кризис. Борьба классов.

Несмотря на дезорганизованность буржуазного хозяйства, буржуазный мир, а тем более буржуазная Европа, до войны все же составляли более или менее единый хозяйственный организм. Это было нечто вроде плохо организованной фабрики, где разделение труда не проведено окончательно, но где все же работа каждой мастерской в значительной степени дополняет работу другой и в общем и целом все-таки создается один аппарат.

Война разрушила налаживавшиеся десятилетиями экономические связи между государствами. Взаимоотношения между ними стали регулироваться не хозяйственной необходимостью, а политическими соображениями, участием тех или других государств по одну или другую сторону военного фронта.

С другой стороны, ни одно из воюющих государств во время войны не смогло организовать своего производства с точки зрения своих потребностей, но все ставили все под знак войны, расценивали все с точки зрения военных интересов и потребностей. Весь мир производил только предметы разрушения и сам же взрывал на воздух все то, что

производил. Весь мир поэтому жил запасами прошлого и не только не богател, но чрезвычайно беднел.

Особенно это верно в отношении Европы, ибо Америка и Япония, не принимая столь активного участия в мировой войне,—все же хорошо зарабатывали на военных заказах и военных поставках.

Ученые считают, что до войны общее состояние всех граждан и государств, участвовавших в империалистической войне народов, равнялось приблизительно 1200 миллиардам золотых рублей. Война же стоила всему миру около 600 миллиардов золотых рублей, т.-е. ровно половину. До войны все эти воевавшие государства, вместе взятые, в год имели доходу приблизительно на 170 миллиардов золотых рублей. Но во время войны, конечно, этот доход значительно уменьшился, благодаря тому, что десятки миллионов людей,—вместо того, чтобы работать на фабриках или у себя на полях,—находились в рядах воюющих армий. Если считать, как это делает т. Троцкий в одном из своих докладов, что годовой их доход уменьшился только на одну треть, то, следовательно, он был равен приблизительно 114 миллиардам золотых рублей. Если далее предположить, опять-таки по Троцкому, что невоенные расходы поглощали 55% этого годового дохода, то ясно, что из ежегодных новых национальных доходов могло быть покрыто не более 50 миллиардов золотых рублей в год или за четыре года войны не более 200 миллиардов рублей. А так как война стоила 600, то, значит, 400 миллиардов золотых рублей должны были быть взяты из основного капитала, и воевавшие государства и граждане их к концу войны уже, следовательно, имели не 1200 миллиардов золотых рублей общего состояния, а только 800, т.-е. стали на одну треть беднее.

Еще хуже обстоит дело, если рассматривать не все воевавшие страны вместе, а каждую в отдельности, ибо некоторые из них обеднели гораздо сильнее, другие, как указанные Соединенные Штаты Северной Америки и Япония, страшно разбогатели. Зато Европа в чрезвычайно тяжелом положении.

Воевавшие европейские государства должны Соединенным Штатам громадные деньги, не менее 40 миллиардов золотых рублей, при чем этот долг,—в виду неуплаты процентов или неправильной уплаты их,—постоянно возрастает. Америка выкачала из Европы почти все ее золото; *около половины* мирового запаса золота лежит теперь в кладовых американских банков.

В виду общего обеднения уровень жизни в Европе чрезвычайно понизился, в то время, как Америка, разжиревшая от чужой крови и слез, потребляет гораздо больше, чем до войны.

«Европа представляет пример самого густого населения, известного в мировой истории. Это население привыкло к сравнительно высокому уровню жизни... В отношении к другим континентам Европа не является самодовлеющей: в частности же она не может прокормить себя. Внутри население распределено неровно, значительная часть его скучена в сравнительно небольшом количестве густо-населенных промышленных центров. Это население до войны обеспечивало себе средства существования без большого запаса для излишка, благодаря

тонкой и чрезвычайно сложной организации, которая в основании своем опиралась на уголь, железо и транспорт, равно как на беспрерывный приток разных пищевых продуктов и сырья с других континентов. Разрушение этой организации и прекращение притока снабжения лишает часть этого населения средств к существованию. Дорога эмиграции закрыта для избыточного остатка. Ибо на перевозку их за океан потребовались бы годы, даже если бы—чего нет на самом деле—можно было найти страны, готовые их принять. Мы стоим, таким образом, перед угрозой быстрого понижения уровня жизни европейского населения до точки, которая для некоторых будет означать голодную смерть».

Так говорит Д. М. Кейнс, английский либеральный ученый—экономист, бывший экспертом мирной делегации Великобритании на Версальских мирных переговорах.

Если так тяжело положение всей Европы, то во много раз еще хуже положение побежденной Германии, кровью, слезами и потом которой победительница Антанта столь неудачно стремится улучшить свое материальное положение.

На Версальской конференции Германская Экономическая Комиссия представила союзникам доклад, в котором так характеризует положение Германии, создающееся в результате Версальского договора

«В течение двух последних поколений Германия превратилась из государства земледельческого в государство промышленное. Будучи земледельческим государством, Германия могла прокормить 40-миллионное население. Как промышленное государство, Германия могла обеспечивать средства существования населению в 67 миллионов; в 1913 году ввоз пищевых продуктов в Германию достигал, в круглых цифрах, 12 миллионов тонн (тонна—около 60 пудов). До войны до 15 миллионов людей в Германии существовали, благодаря внешней торговле, мореплаванию и прямому или косвенному потреблению заграничного сырья». Доклад тут перечисляет главнейшие условия Мирного Договора, относящиеся к этому, и затем продолжает: «В результате такого уменьшения производительности, в результате экономического упадка, вследствие потери колоний, торгового флота и заграничных вкладов, Германия будет не в состоянии ввозить из-за границы надлежащее количество сырья. Огромная часть германской промышленности будет поэтому неизбежно обречена на гибель. Потребность в ввозе пищевых продуктов значительно возрастет в то-самое время, как возможность удовлетворить этот спрос столь же значительно уменьшится. В весьма короткий срок Германия окажется не в состоянии дать хлеб и заработок многочисленным миллионам своего населения, которые лишены возможности зарабатывать мореплаванием и торговлей. Эти люди должны бы эмигрировать, но последнее является физически невозможным, тем более, что многие и наиболее важные в этом отношении страны будут препятствовать германской эмиграции. Приведение в исполнение условий мира логически повлечет за собой, таким образом, гибель нескольких миллионов людей в Германии. Эта катастрофа не замедлит наступить, если принять во

внимание, что здоровье населения было подорвано во время войны блокадой, а в период перемирия усилением голодной блокады»... Доклад заканчивает: «Представляют ли себе делегаты союзных держав неизбежные последствия, долженствующие наступить, если Германия, промышленное государство, весьма густо населенное, тесно связанное с экономической системой всего мира и испытывающее потребность в ввозе огромных количеств сырья и продовольствия, внезапно окажется отброшенным снова к фазе развития, которая отвечает ее экономическим условиям и численности населения, какими они были полстолетия назад? Те, кто подпишут этот договор, подпишут смертный приговор многим миллионам мужчин, женщин и детей Германии».

Мы не знаем, представляли ли себе все это антантовские министры и дипломаты, но Версальский договор был заключен и была, таким образом, закреплена экономическая разруха не только в Германии, но и во всем мире, и не только для Германии был вынесен смертный приговор «многим миллионам мужчин, женщин и детей».

Вот несколько данных для 1919 года, а после этого года, как известно, стало еще хуже.

Большая венская газета «Neue Freie Presse» («Новая Свободная Пресса») пишет от 31-го мая 1919 года:

«В последние годы войны в одной Австрии около 35.000 человек умерло от туберкулеза, из них в одной только Вене 12.000. Сейчас надо считать, что по меньшей мере 350—400 тысяч человек нуждаются в лечении от туберкулеза... В результате недоедания подростает бескровное поколение, с недоразвившимися мускулами, недоразвившимися суставами и недоразвившимся мозгом».

Комиссия врачей нейтральных стран, назначенная для исследования условий в Германии, вынесла в том же 1919 году такие впечатления: «Туберкулез, особенно у детей, растет в ужасающих размерах, и большей частью он злокачественного характера. Рахит принимает более серьезную форму и шире распространяется. С этими болезнями борьба непосильна... Туберкулез носит почти невиданный характер, известный раньше лишь в исключительных случаях... У взрослых туберкулез почти всегда кончается смертью, он составляет 90% всех больничных случаев... Борьба с ним бесплодна по отсутствию питания».

А какое количество жертв по всей Европе унесли эпидемии всех трех видов тифа!

Таковы плоды войны и мира, долженствовавшие облагодетельствовать человечество.

Целые государства Европы ввергнуты в нищету, голод и вымирание. А другие, особенно нейтральные, не принимавшие непосредственного участия в войне, но наживавшиеся на людской крови, страшно разбогатели. Однако и богатым приходится немногим лучше, чем нищим. В разбогатевших государствах цена денег чрезмерно велика, так что государства с низкой ценностью денег, с низкой валютой не в состоянии ничего покупать у государств с высокой валютой. Последние таким образом ничего не могут вывозить, торговля останавливается,

производство сокращается и у них начинается столь же тяжелый промышленный и торговый кризис, как и в странах нищих.

Кризис влечет за собой безработицу, а безработица везде в буржуазных странах, как в богатых, так и в бедных, означает для миллионов людей голодную смерть, либо смерть от болезней, всегда сопровождающих голод.

Еще до начала мирового кризиса, в июле 1919 года, американская комиссия Гувера насчитывала в Европе не менее 15 миллионов семейств безработных. А с тех пор эта цифра во много увеличилась. Богатейшая в мире страна, Соединенные Штаты Северной Америки, к 1921 году имела по самому скромному подсчету от 5 до 6 миллионов безработных.

К тому же 1919 году, т.-е. еще до мирового кризиса, падение производства достигло уже громадных размеров. Цитированный нами проф. Кейнс говорит: «Падение производства угля во всей Европе определяется в 30%; между тем от угля зависят большая часть промышленности и вся транспортная система Европы. В то время, как до войны Германия производила 85% общего количества продовольствия, потреблявшегося ее населением,—производительность почвы уменьшилась ныне на 40%, а качественная годность живого инвентаря на 50%. Из европейских стран, обладавших некогда большими вывозными излишками, Россия, по причине недостатка транспортных средств и уменьшения производительности, может ныне сама умереть с голода... Цифры эти, пожалуй, слишком подавляющи, чтобы быть убедительными для нас; если бы они не были так ужасны, наша настоящая вера в них могла бы быть сильнее».

Это было в 1919 году. С тех пор цифры стали еще более «подавляющими», а положение еще более ужасным.

В атмосфере указанной выше политической разрухи, под угрозой новой мировой войны, этот экономический развал настойчиво заставлял искать выхода из положения и вынуждал признать, что так дольше продолжаться не может.

Какой же выход могла предложить международная буржуазия? Никакого, ибо прежде всего для всякого решения этих тяжелых вопросов нужно *об'единение* усилий всех государств и народов, нужна *солидарность* выступлений в борьбе с всеобщим несчастием и общей бедой. А буржуазный мир никак не мог и не может уладить раздирающих его разногласий, империалистические государства никак не могут отказаться от борьбы за обладание миром, капиталисты не могут перестать конкуррировать между собой. Правда, более благоразумные из буржуазии поняли, что до тех пор, пока существует Версальский мир не может быть и речи о лечении ран мировой войны, и начали требовать его пересмотра. Они поняли также, что, практиковавшаяся все время империалистами всего мира, политика интервенций в России, т.-е. вмешательства во внутренние российские дела и стремления силой навязать свою волю рабочим и крестьянам России, во-первых, ни к чему не приводит, так как стоит громадных денег буржуазным государствам и всегда кончается полной неудачей, по-

зорным поражением всех белогвардейских агентов международного империализма, а во вторых, только усиливает экономическую разруху в России и, следовательно, усугубляет тяжелое экономическое положение всего мира; и они стали требовать прекращения интервенций. Наконец, они поняли, что без восстановления старых взаимоотношений с Россией, без обратного включения России в мировой хозяйственный оборот,—не может быть и речи о восстановлении мирового, а тем более европейского, как политического, так и экономического равновесия; и они все более и более склоняются поэтому к мысли о необходимости соглашения с Советской Россией.

Конечно, далеко не все буржуазные государства и далеко не все буржуазные элементы внутри этих государств относятся одинаково к этим вопросам. Буржуазно-легитимистская Франция, идейная носительница ультра-буржуазных традиций и застрельщица милитаризма, агрессивности и империалистического авантюризма объединяет или, по крайней мере, пытается объединить вокруг себя непримиримые, решительно контр-революционные элементы мировой буржуазии. Благодаря этому так называемый русский вопрос вносит еще больший развал и беспорядок в буржуазные ряды.

Особенно это отражается в Англии, где промышленный кризис чрезвычайно ощутителен, количество безработных весьма велико и их нежелание молчаливо терпеть все ужасы послевоенной эпохи особливо сильно. Поэтому в Англии политическое настроение с каждым днем становится все более и более тревожным, а положение кабинета Ллойд-Джорджа, который продержался во весь период войны и держится, в отличие от других буржуазных правительств, до сего дня,—становится все более и более неустойчивым. Благодаря этому, Ллойд-Джордж вынужден искать выхода, который мало-мальски удовлетворял бы широкие массы трудящихся, но в то же самое время не ссорил бы его и с реакционными кругами английской буржуазии, настроенными «по французски».

Впрочем, ни одно государство в своей политике не может уже теперь не считаться с требованиями трудящихся масс.

Правда, мировая буржуазия несколько окрепла и оправилась от той растерянности, в которой она находилась непосредственно после окончания мировой войны; оправилась настолько даже, что по всему экономическому фронту может переходить в наступление на пролетариат. Правда и то, что кризис, хотя и бьет по буржуазии, но, быть может, в еще большей степени ослабляет силы борющегося пролетариата. Правда, наконец, что почти до самого последнего времени все экономические забастовки оканчивались неудачно для пролетариата, и буржуазия могла продолжать свое победное шествие в области уменьшения заработной платы и увеличения рабочего дня.

Но война тем не менее не прошла бесследно ни для пролетариата, ни для буржуазии. Пролетариат помнит свою роль в мировой войне и не забывает того, что даже Ллойд-Джордж должен был констатировать, что «без участия рабочих ни одно из воюющих государств

не могло бы провоевать и одного дня»; он не закрывает также глаз на то, что в мире продолжает существовать Российская Революция, где, несмотря ни на что, продолжают царствовать сами рабочие и крестьяне.

Буржуазия также не может забыть роли пролетариата в империалистической войне и, превосходно зная размеры своих преступлений, не так-то легко рискует повторять кровавые опыты проклятого прошлого. Буржуазия превосходно понимает, что свои империалистические и капиталистические интересы она может осуществлять только в атмосфере, если не согласия, то хотя бы отсутствия враждебности со стороны широких масс трудящихся.

Искусственно созданный во время войны «гражданский мир», мир классов, давно уже уничтожен и давно уже по всему миру кипит классовая борьба, в иных местах и в иные моменты переходящая в открытую гражданскую войну.

Но буржуазия уже научилась понимать, что и в этой борьбе нельзя слишком перегибать палки.

Подобно тому, как с самого начала интервенций против Советской России, мировая буржуазия не могла, считаясь с настроением трудящихся всего мира, вести открытой войны, а вынуждена была прикрываться всякими псевдонимами,—подобно этому она теперь не может открыто выявлять своих внутренних конфликтов и открыто проводить своей губительной политики. Но она должна, считаясь с настроением широких масс трудящихся, демонстрировать свой пацифизм, свое миролюбие и громко кричать о всеобщем мире и даже о всеобщем разоружении всякий раз, когда грозовые тучи нового вооруженного столкновения обволакивают политический горизонт, и точно также должна вопить о необходимости восстановления мирового хозяйства всякий раз, когда ее же мероприятия, ее же жадность и корыстолюбие грозят нанести новый удар этому хозяйству.

В такой обстановке и в таких условиях современный мир вступает в эпоху международных конгрессов, совещаний, соглашений и союзов, в эпоху, которая Генуэзской конференцией не заканчивается, а, быть может, только начинается.

II Генуэзская конференция.

I. Борьба вокруг русского вопроса. Предварительные совещания. Каннские резолюции.

Мы видим, насколько для буржуазии всего мира, после неудачных попыток силой навязать Советской России свою волю, стало необходимо соглашение. Но не сразу буржуазный мир пришел к сознанию этой необходимости, и не все буржуазные государства с одинаковой ясностью понимают это. Разница положений и разница интересов буржуазных государств приводят их и к разному поведению в русском вопросе.

Если Соединенные Штаты Северной Америки, при богатстве, материально, быть может, менее всех буржуазных государств заинтересованы в соглашении с Советской Россией, а при своих шести миллионах безработных и почти неограниченном владычестве крупнейшего капитала, быть может, более всех ненавидят и боятся гордо развевающееся в России Красное Знамя Коммунизма,—то Англия, благодаря особенностям своей внутренней и внешней политики, более всех других заинтересована во включении России в так называемую «семью» европейских государств и в возобновлении экономических сношений с Россией.

Поэтому именно Англия, еще со времени скверной памяти эпохи Принцевых Островов, всегда была инициатором соглашения с Советской Россией.

Причины этой заинтересованности Англии понятны из вышеизложенного: во-первых, при неустойчивости внутриполитического положения современная правящая Англия должна хоть чем-нибудь успокоить своих безработных и те элементы трудящихся, а частью и буржуазии, которые в возобновлении экономических сношений с Россией видят единственный выход из невыносимо тяжелого положения; во-вторых же, Великобритания в своей борьбе против французской конкуренции не может игнорировать полуторамиллионной Красной Армии и нуждается в России для осуществления своей политики изоляции Франции на континенте Европы.

Малые государства, как нейтральные, так и тесно связанные с Антантой, начинают видеть в Советской России единственную защитницу от захватнических поползновений великих империалистических разбойников и в то же самое время материально чрезвычайно заинтересованы в торговле с Россией. Бедные и маленькие государства рассчитывают на помощь России. Наиболее промышленные, не имеющие

сбыта для продуктов своего производства, поневоле верят, что открытие российских границ спасет их от ужасов кризиса и безработицы, а также, например, как рожденная в войне Чехо-Словакия, которая получила в наследство почти всю крупную промышленность бывшей Австро-Венгерской монархии, но сама слишком мала для того, чтобы потреблять произведения этой промышленности,—без российского рынка обречены на экономическую гибель, ибо не в силах конкурировать с западно-европейской промышленностью на территории последней.

Что касается Франции, то в своем буржуазно-авантюристическом ослеплении она, быть может, и не стремилась бы к соглашению с Россией, если бы не понимала, что при нынешнем отношении всей буржуазной Европы к «русскому вопросу» отказ от участия в общеевропейских конференциях мог бы поставить ее вне рядов даже буржуазии.

Поэтому политика Франции в русском вопросе неизбежно должна сводиться к тому, что-бы, на словах выражая свою готовность итти на соглашение с Советской Россией, на деле ему всячески противодействовать и твердо держать в своих руках легитимистское знамя буржуазной непримиримости и принципиальной контр-революционности.

Так именно вела и ведет себя современная Франция.

Когда вопрос об общеевропейской конференции был поставлен так остро, что сорвать его оказывалось невозможным, Франция потребовала предварительных совещаний, а когда в Каннах, в январе 1922 года, собралась конференция союзных правительств, то французский представитель, тогдашний премьер-министр Франции, г. Бриан, постарался всунуть в каннские резолюции желательные Франции буржуазно-принципиальные ограничения.

13 января 1922 года Российское Правительство получило из Канн от премьер-министра Италии (ибо последней было поручено организовать в Генуе общеевропейскую конференцию) приглашение на конференцию, назначенную в марте, и нижеследующий текст принятой 6-го января в Каннах резолюции:

Союзные правительства, присутствовавшие на конференции, сходятся во мнении, что в первых числах марта должна быть созвана финансово-экономическая конференция, на которую должны послать своих представителей все европейские государства, включая и Германию, Австрию, Венгрию, Болгарию и Россию. Они считают, что такая конференция составляет необходимый этап в деле экономического восстановления центральной и восточной Европы; они твердо убеждены, что главы министерств всех стран должны по возможности лично приехать для того, чтобы все постановления конференции могли быть в скорейший срок проведены в жизнь. Союзные правительства полагают, что возобновление международной торговли во всей Европе, равно как и развитие всех рессурсов каждой страны необходимы для увеличения продуктивности труда, уменьшения безработицы и облегчения перенесенных европейскими народами

страданий. Необходимо общее напряжение сил самых могуществен-ных держав для того, чтобы вернуть жизнеспособность всей европей-ской экономической системе, парализованной сейчас. Эти усилия должны быть направлены на уничтожение всех преград, затрудняю-щих торговлю, на разрешение значительных кредитов слабейшим странам и на сотрудничество всех в интересах восстановления нор-мального производства. Союзные правительства полагают, что основ-ные, необходимые для достижения действительных результатов, условия могут быть в общих чертах формулированы следующим образом:

1) Народам не может быть предоставлено право взаимно дикто-вать друг другу правила по вопросу о том, как они считают нужным организовать внутри своей страны экономическую жизнь и форму правления. Каждая страна имеет право избрать для самой себя ту систему собственности или форму правления, которую она предпо-читает.

2) Однако распоряжаться иностранными капиталами для помощи другой стране допустимо только в том случае, когда иностранцы, предоставляющие эти капиталы, будут иметь уверенность, что их иму-щество и права не будут затронуты, а прибыль от их предприятий будет за ними упрочена.

3) Это чувство безопасности может быть только тогда упрочено, когда народы или правительства народов, желающие получить ино-странные кредиты, обяжутся добровольно признать все народные долги и обязательства, уже произведенные, или те, которые будут про-изводиться, гарантированные государством, муниципалитетами или другими общественными организациями; признать в равной мере обязательным возвратить, восстановить или при невозможности этого вознаградить иностранцев за все убытки, причиненные им конфискацией или секвестром их имущества; учредить судебную и правовую систему, санкционирующую и обеспечивающую беспри-страстное отношение ко всем коммерческим или иным договорам.

4) Народам должна быть дана возможность располагать надле-жащими средствами обмена; вообще должны быть созданы такие фи-нансовые условия, которые предоставляют достаточно гарантий торговле.

5) Все народы должны обязаться воздерживаться от какой бы то ни было пропаганды, имеющей своею целью ниспровержение по-литического строя другой страны.

6) Все народы должны обязаться не производить никаких напа-дений на своих соседей.

Если для обеспечения необходимых условий в интересах разви-тия торговли в России, Российское Правительство потребует офи-циального признания, Союзные Государства не смогут на это согла-ситься, если Российское Правительство не примет поставленных выше условий».

Читая эту резолюцию, ясно видишь, что тут, так сказать, от англи-чан, а что от французов.

Интересно также отметить, что этот текст каннской резолюци официально сообщенный России итальянским премьером г. Боном министерство которого, как известно, было враждебно Советско России и вскоре после Каннской конференции пало и было замене новым министерством г. Факта, во многом не сходится с текстом, оф циально же сообщенным английским правительством английско печати. Не говоря уже о различных редакционных отклонениях в английском тексте в п. 3 нет слов «желающие получить иностранны кредиты», т.-е. нет совершенно дикого и несуразного утверждени будто платить свои долги обязаны только государства, нуждак щиеся в иностранных кредитах.

Но даже и этот фальсифицированный текст показался слишко революционным черной сотне Франции. Каннские решения вызвали бу рю негодования против Бриана в реакционнейшем французском парла менте. Министерство Бриана пало и заменено было новым, еще боле правым, министерством Пуанкаре.

Но причины, заставившие Бриана признать каннские решения были неустранимы и для Пуанкаре. Попытки сорвать общеевропейскук конференцию не удались; повторение истории Принцевых Островс когда вместо конференции была начата новая интервенция проти Советской России, было уже совершенно невозможно прежде всег в виду изменившегося настроения Европы, а затем также и по при чине полного отсутствия подходящих орудий проведения этой интер венции. Пуанкаре удалось только добиться отсрочки Генуэзско конференции до апреля и нового совещания в Булони, где постано влено было созвать в Лондоне предварительное совещание союзны экспертов.

Каннская резолюция, однако, осталась, и по иронии истории как раз Франция стала наиболее энергичной официальной защитни цей каннских решений, вероятно, потому, что при туманности и по литической безграмотности формулировки этих решений они под лежат весьма разнообразным толкованиям, а в Булони, по всей ви димости, эти каннские резолюции именно и подверглись серьезному «разъяснению».

Вполне очевидно, что для России самым важным пунктом канн ской резолюции является п. 1, и что именно поэтому для Франци он наиболее одиозен (ненавистен), и самым важным для Франци является ею же проведенный п. 3.

Повидимому, Булонское «разъяснение» в том именно и заключа лось, что надлежало при толковании каннской резолюции в Гену выдвигать во главу угла требование от государств, «нуждающихс в иностранных кредитах», уплаты всех прежних долгов и возвраще ния, восстановления или вознаграждения национализированной ил секвестрированной собственности иностранных капиталистов.

Такое предположение вполне подтвердилось последующим ходо событий. Но об этом ниже.

Теперь же важно отметить, что каннская резолюция, как б туманно она ни была выражена, вносила новую эпоху в историю вза

имоотношений буржуазного мира с советским. После четырех лет вооруженной борьбы с Советской властью, в этой резолюции мировая буржуазия не только признавала ее право на существование, не только признавала ее право по-своему организовать свою экономическую жизнь, но косвенно согласилась с необходимостью согласования двух систем собственности: буржуазной и коммунистической.

Это было настолько большим завоеванием российской революции, что перед ним меркли все остальные требования каннской резолюции и ради более ясного выявления этой капитуляции буржуазного мира уже стоило ехать в Геную, даже не расчитывая на соглашение по конкретным, практическим вопросам.

Российское Правительство ответило согласием на приглашение участвовать в общеевропейской экономической конференции в Генуе и, в своем ответе совершенно умолчав о каннской резолюции, не пошло на провокацию Франции, заявлявшей о невозможности для нее участвовать в Генуе, если Советское Правительство сообщит, что не признает каннских решений.

В Генуе «капризы Франции» стали резче, и посредники, сразу определившиеся там между главнейшими делегациями, просили Российскую Делегацию в первой же ее декларации, во-первых, не употреблять никаких очень резких выражений, которых не выдержат слабые нервы французов, а во-вторых, хоть в какой-нибудь форме заявить, что в общем и целом Российская Делегация признает каннские решения. Некоторые из упомянутых посредников прямо говорили, что это—личная просьба Ллойд-Джорджа. Таким образом, еще до конференции определялась роль Франции, как фермента разложения, со «слабыми нервами» которой необходимо считаться, ибо от нее все время можно ожидать срыва конференции и, с другой стороны, сразу же намечался своеобразный «союз» с Англией против этого срыва.

Первое же пленарное заседание Генуэзской конференции вполне определенно подчеркнуло роли всех действующих лиц.

«Общеевропейская экономическая конференция в Генуе» и вообще была обставлена чрезвычайно торжественно, а это первое пленарное заседание вызывало, конечно, особенный интерес.

Съехались представители всех европейских государств, а из внеевропейских представители великобританских колоний и Япония, которая участвовала, как член Верховного Совета Лиги Наций, в общей сложности 34 делегации, а кроме того представительства «Лиги Наций», «Международного Бюро рабочих» при Лиге Наций и «Интернационального Сельскохозяйственного Института». В Геную прибыло свыше 600 человек журналистов от различных органов печати со всех концов света. Наконец, неофициально присутствовали от Америки посол Соединенных Штатов Северной Америки в Риме, г. Чайльд, известный американский миллиардер Франк Вандермент и целая куча американских капиталистов, в особенности нефтепромышленников, а, во второй половине переговоров, и несколько английских капиталистов во главе со знаменитым Лесли Уркардтом, бывшим собственником главнейших предприятий на Урале, бывшим все время глав-

ным вдохновителем самых бесшабашных интервенций против России, в прошлом году переменившим «гнев на милость» и приезжавшим в Москву за концессиями на свои предприятия, но когда это ему не удалось, в виду чрезмерности его требований,—ставшим опять злейшим врагом Советской России.

Первое заседание происходило в большом зале старинного дворца Сен-Джордж, исторической собственности генуэзского купечества. Трибуны сплошь были наполнены представителями прессы, а пол-залы было отведено «почетным гостям»; делегации же были расположены чрезвычайно «дипломатично»: во главе стоял длинный стол, за которым расположились державы, входящие в Верховный Совет, т.-е. Великобритания, Франция, Италия, Бельгия и Япония, перпендикулярно к нему двумя большими «П» стояли столы, за которыми заняли место все делегации в порядке алфавитном по итальянским названиям их. Вероятно, сделано это было потому, что при соблюдении французских названий (обычно именно так) Германия попала бы вначале, тогда как по-итальянски она довольно далеко; повидимому, близость Германии опять-таки действовала бы на нервы французской делегации. Эти мелочи все же сразу характеризовали конференцию: главенство Антанты и «слабонервность» Франции.

Когда в этой торжественной обстановке раздались первые речи, должно было наступить сильное разочарование.

Мир ждал новых слов, мир надеялся услышать, как мыслят себе первые государственные люди Европы выход из тяжелого положения, а вместо этого звучали на разных языках одни и те же трафаретные фразы без всякого положительного содержания.

Первым, в качестве хозяина, говорил премьер-министр Италии. Факта, после него Ллойд-Джордж—от Англии, Барту—от Франции, Иши—от Японии, Тенис—от Бельгии, Вирт—от Германии и, наконец, т. Чичерин—от имени России.

В речах всех западно-европейских премьер-министров не было не только конкретной программы, но даже и намека на такую программу. Только германский канцлер, Вирт, намекнул, что до тех пор, пока существует Версальский мир, не может быть успокоения Европы, но сделал это в такой осторожной и ничего незначащей форме, что намек прошел почти незамеченным, и его длинная речь ничего, кроме скуки, не вызвала. Ллойд-Джордж острил по поводу официального отсутствия Соединенных Штатов, что некогда Генуэзский гражданин, Христофор Колумб, открыл Америку и он-де надеется, что теперь Генуя опять сослужит службу человечеству, дав возможность Америке вторично открыть Европу. Все премьеры скорбели по поводу тяжелого положения, в которое ввергла весь мир закончившаяся мировая война, много говорили о необходимости создания, наконец, нормальных условий, но никаких реальных предложений для этого не делали; все подчеркивали, что с момента Генуэзской конференции нет более «ни победителей, ни побежденных», но так как даже само размещение делегаций в зале конференции явно противоречило этому, то большого впечатления эти заявления произвести не могли.

Интерес, внушаемый Российской Делегацией, был так силен, что, когда встал т. Чичерин, весь зал замолк в мертвом молчании и с напряженнейшим вниманием выслушал всю декларацию Русской Делегации. А когда в декларации, в отличие от всех бесцветных предшествующих, дело дошло до конкретных предложений, чувствовалось, что декларация касается самого больного места, что это—именно то, чего ждут сотни слушателей и миллионы измученных людей. И, несмотря на чопорность обстановки и общую враждебность буржуазного мира советскому, в зале раздались аплодисменты. Русская делегация сразу же внесла новую живительную струю в старинную вылощенно-дипломатическую атмосферу и впоследствии ораторам уже не только аплодировали, но и совсем «непристойно» посвистывали.

Несмотря на то, что эта первая декларация Российской Делегации известна, мы, для возобновления в памяти, приводим ее тут целиком в точном переводе (прочитана она была т. Чичериным по-французски и по-английски).

а) Русская декларация 10-го апреля 1922 года.

«Российская Делегация, представляющая Правительство, которое всегда проводило мирную политику, с особенным удовлетворением приветствует декларации предшествующих ораторов, провозгласивших первейшую необходимость мира и в частности присоединяется к словам г. первого министра Италии, заявившего, что здесь нет ни победителей, ни побежденных, и к словам г. первого министра Великобритании, утверждавшего, что мы все, здесь собравшиеся, находимся на равной ноге.

Российская Делегация считает нужным прежде всего заявить, что она явилась сюда в интересах мира и восстановления хозяйства Европы, разрушенного долголетней войной и послевоенной политикой. Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская Делегация признает, что в настоящий период времени, делающий возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления. Российское Правительство приписывает поэтому величайшую важность первому пункту каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и политико-экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах. Российская Делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и деловыми кругами других стран, на основании взаимности, равноправия и полного признания.

Задача восстановления мирового хозяйства при настоящих условиях настолько обширна и колоссальна, что она может быть исполнена лишь при искреннем желании координации своих действий со стороны всех европейских и внеевропейских стран и при готовности их,

в случае необходимости, на временные жертвы. Экономическое восстановление России, как самой крупной страны в Европе, обладающей необъятными запасами природных богатств, является непременным условием всеобщего экономического восстановления. Россия со своей стороны заявляет о своей полной готовности содействовать разрешению стоящей перед конференцией задачи всеми находящимися в ее распоряжении средствами. А средства эти не малы. Идя навстречу потребностям мирового хозяйства и развития его производительных сил, Российское Правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для мировых транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин земли плодороднейшей площади, богатейшие лесные, каменно-угольные и рудные концессии особенно в Сибири, а также ряд иных концессий на территории Р. С. Ф. С. Р. и намечает такое хозяйственное сотрудничество европейской промышленности с сельским хозяйством и промышленностью России и Сибири, которое расширяет сырьевую, хлебную и топливную базу европейской промышленности далеко за границы довоенных размеров. Более подробный проект плана всеобщего восстановления нами мог бы быть представлен во время конференции, но об его полной осуществимости с финансово-экономической точки зрения говорит тот факт, что необходимое ежегодное вложение капитала в это дело, обеспечивающее будущее европейского хозяйства, равнялось бы лишь небольшой части ежегодных расходов на армии и флот европейских стран и Америки.

Российская Делегация принимает к сведению и признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения как своих дополнительных пунктов, так и поправок к существующим. Однако, вопрос об экономическом восстановлении России будет безвозвратно погублен, а с ним и весь вопрос об устранении европейского экономического хаоса брошен на ложный и гибельный путь, если экономически более сильные нации, вместо того, чтобы подать руку помощи России и облегчить ей путь к будущему, придавят ее бременем непосильных требований, оставшихся от ненавистного ей прошлого.

Считаем нужным отметить, что новейшие мероприятия, проводимые Российским Правительством в области внутреннего законодательства, в соответствии с новой экономической политикой России, идут навстречу указанным в каннской резолюции пожеланиям в отношение юридических легальных гарантий, необходимых для экономического сотрудничества буржуазных стран с Советской Россией.

Однако, всякие усилия, направленные к восстановлению мирового хозяйства, будут тщетны до тех пор, пока над Европой или над миром будут висеть Дамокловым мечем угрозы новых войн, быть может, более опустошительных и разорительных, чем пережитые нами в последние годы. Россия и в этом отношении готова способствовать упрочению мира, поскольку это возможно в пределах существующего в большинстве стран социально-политического строя. Российская Делегация намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя мили-

таризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением наиболее варварских ее форм: ядовитых газов, воздушной вооруженной борьбы и т. д., в особенности же применения разрушительных средств против мирного населения.

Само собой разумеется, что Россия готова провести сокращение вооружений и у себя при условии полной взаимности и создания для нее необходимых гарантий от каких бы то ни было нападений и вмешательства в ее внутренние дела.

Приветствуя эту первую всеевропейскую конференцию и предложение первого министра Великобритании о периодических созывах таких конференций в будущем, мы считаем нужным указать на необходимость расширения базы будущих конференций включением в число их участников всех народов. Установление всеобщего мира должно быть проведено, по нашему мнению, всеобщим конгрессом на почве полного равенства всех народов и признания за всеми угнетенными народами права на самоопределение. Должна быть также изменена, по нашему мнению, система представительства на таких конференциях. Мы считаем настоятельно необходимым формальное привлечение рабочих организаций к участию на всеобщих конгрессах. При том решения ни в коем случае не должны проводиться в жизнь насильственным путем, принуждением меньшинства, а, наоборот, всеобщим соглашением. Российское Правительство готово даже принять за исходную точку прежние соглашения держав об урегулировании международных отношений, вводя в эти соглашения необходимые коррективы, и принять участие в пересмотре устава «Лиги Наций» с целью превращения ее в настоящий союз народов без господства одних над другими с уничтожением существующего ныне деления на победителей и побежденных.

Всемирный конгресс, о котором я говорил выше, должен будет выделить технические комиссии, которые будут намечать и разрабатывать программу всеобщего экономического восстановления. Эта программа не должна навязываться насильно, она будет апеллировать к выгоде каждого участника. Должны будут быть намечены мировые железнодорожные, речные и морские пути; их интернационализация будет делом постепенного развития. Международные технические комиссии должны будут лишь предлагать отдельным странам содействие для урегулирования сообщений по международным рекам, для использования международными гаванями, для технического улучшения мировых путей. Неисчислимые богатства центра Сибири будут открыты этим путем для всеобщего пользования и поведут к повышению благосостояния всех народов.

При искреннем стремлении всех народов к экономическому сотрудничеству и к устранению общими усилиями существующего в настоящее время мирового хозяйственного кризиса и готовности к временным жертвам, не трудно будет найти, по мнению Российской Делегации, пути и средства к оздоровлению финансового положения большинства стран Европы и к стабилизации валюты. Одним из таких средств

могло бы явиться перераспределение существующих запасов золота между всеми странами в довоенной пропорции в форме долгосрочных ссуд, без нанесения фактического ущерба тем странам, которые в настоящее время являются обладателями этого золота. При чем это распределение золота сочеталось бы с планомерным распределением производства и торговли, планомерным распределением топлива, нефти, угля и т. п.

Я лишь намечаю основные линии тех предложений, которые Российская Делегация сделает, если ей будет предоставлена к этому возможность. Считаю нужным оговориться еще раз, что, как коммунисты, мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчет действительного устранения причин войны и экономических кризисов при нынешнем общем порядке вещей, но, тем не менее, мы готовы со своей стороны содействовать—в интересах как России, так и всей Европы, в интересах десятков миллионов людей, подверженных непосильным лишениям и страданиям, вытекающим из хозяйственного неустройства,—и поддерживать все попытки, направленные, хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства, к ограничению возможности новых войн, готовы поддержать все прогрессивные предложения других стран, идущие в этом направлении.

Еще раз приветствуя Генуэзскую конференцию и искренне благодаря Итальянское Правительство за его гостеприимство, Российская Делегация торжественно заявляет о своей решимости всеми силами содействовать успехам ее работы».

В чужой монастырь со своим уставом не лезут, а времена Бреста, когда советские представители на переговоры с буржуазными дипломатами смотрели, главным образом, с точки зрения агитационной, с точки зрения революционизирования Европы,—для переживаемой эпохи миновали. Поэтому Российская Делегация сразу же отметила, что в Геную она явилась для «купеческих» переговоров и, только намекнув, что коммунисты знают одно лишь средство спасения от всех зол: социалистическую революцию,—внесла исключительно такие предложения, которые *теоретически осуществимы в рамках буржуазного строя.* Правда, и в отношении этих предложений российская делегация с самого начала не питала никаких иллюзий, не верила, что они на деле будут приняты буржуазными правительствами.

Возражать, впрочем, было нечего. Буржуазная Европа, сама не имевшая никакой экономической программы восстановления разрушенного хозяйства, не могла отвергать российской экономической программы и промолчала.

Но советская программа мира, предложение всеобщего ограничения вооружений ударило по Франции, которая всю свою энергию положила на то, чтобы не допустить на Генуэзской конференции поднятия политических вопросов, ибо тогда мог бы всплыть и вопрос о Версальском мире и германских платежах, и которая, как застрельщица буржуазной агрессивности вообще, считает себя обязанной выступать в защиту и буржуазного милитаризма.

Несмотря на явное несочувствие большинства аудитории милитаристическим принципам и, наоборот, на явное сочувствие всяким пацифистским, миролюбивым предложениям,—первый делегат Франции, г. Барту, который, конечно, считался гораздо больше с настроением воинственного и черносотенного французского парламента, не жели со своей Генуэзской аудиторией, ибо портфель его зависит не от Генуи, а от Парижа,—немедленно после речи т. Чичерина вскочил со своего места и, по своему толкуя каннскую резолюцию, протестовал против попыток расширения каннской программы включением таких вопросов, как вопрос о международных мировых конгрессах, а в конце своего протеста истерически вопил, что французская делегация будет в комиссиях не только протестовать, но «решительно», «энергично», «категорически» и «окончательно» будет противиться обсуждению вопроса об ограничении вооружений.

За это г. Барту был награжден довольно энергичными свистками с хор конференции, а т. Чичерин ему напомнил, что в Вашингтоне, где обсуждался именно вопрос об ограничении вооружений, тогдашний французский первый министр, г. Бриан, возражал против этого, ссылаясь на то, что Россия-де, не участвующая на Вашингтонской конференции, останется вооруженной и что поэтому теперь, когда Россия участвует, она своим заявлением о готовности совместно со всеми другими государствами ограничить свои вооружения надеется устранить и это последнее препятствие, стоящее на пути ограничения вооружений Франции.

Ллойд-Джордж в ответ на истерику Барту со своей стороны произнес речь, в которой, как будто возражая Российской Делегации, на деле высмеивал французскую и, утверждая, что «ничего взрывчатого» в декларации Российской Делегации не было, превратил трагедию г. Барту в комедию.

Таким образом, с первых же шагов французская делегация сделала себя не только смешной, но и ненавистной в глазах даже буржуазного миролюбиво настроенного общественного мнения. С первых же шагов, как отметила вся буржуазная печать (за исключением, конечно, реакционной французской), создался «единый пацифистский фронт Европы против Франции». Моральная изоляция милитаристской, реакционной Франции в Европе, таким образом, началась.

В дальнейшем эти настроения еще больше определялись и оформлялись. Атмосфера несочувствия вокруг французского держимордства все больше сгущалась, а симпатии к Советской России все возрастали. И это находило свое реальное отражение даже в мелочах. По рассказам очевидцев, например, по всей Италии в кинематографах, где показывались участвующие в генуэзских переговорах делегации европейских государств, наблюдалась одинаковая картина: даже в самых фешенебельных, шикарных кинематографах, где присутствовала отнюдь не демократическая публика, при появлении на экране 7 членов Российской Делегации весь зал, как один человек, подымался со своих мест и единодушно аплодировал, а когда появлялась фигура первого французского делегата, раздавался такой оглушительный свист,

что других уже на экране не показывали. Говорят, что в Риме демонстрировались впоследствии в кинематографах все генуэзские делегации, кроме французской.

С другой стороны, столь же быстро развивался в Генуе и процесс переориентации Европы: в среде европейских государств (особенно малых) симпатии к Франции все больше уменьшались, тогда как симпатии к России все возрастали.

Но прежде, чем перейти к изложению этого процесса, остановимся несколько на работах комиссий Генуэзской конференции.

2. Работа комиссий.

Сейчас же после первого пленума, конференция «для облегчения работ» разбилась на комиссии. Помимо же имеющих значения комиссий, вроде мандатной, таких деловых комиссий было создано четыре: первая,—долгое время остававшаяся без названия и неофициально именовавшаяся русской; этого названия она не могла сохранить, так как в ее программе стояли и общеевропейские вопросы, кроме чисто русских, политической же ее упорно не хотели называть, ибо в Каннах ведь было решено, что политические вопросы в Генуе рассматриваться не будут, и французы на этом основании восставали против такого названия; в конце концов,—говорят, после долгой борьбы между Ллойд-Джорджем и Барту,—эту комиссию все же назвали политической; вторая комиссия—финансовая, третья—экономическая и четвертая—транспортная.

С самого же начала работ этих комиссий ясно определилась тенденция: во-первых, по возможности сократить их состав, во-вторых, по возможности затянуть их работы до разрешения главного, т.-е. русского вопроса.

Комиссии составлялись из всех делегаций, участвовавших на конференции; от больших государств по два представителя, от малых по одному. Председателями во всех комиссиях были представители государств Антанты, которые теперь, после провозглашения отсутствия на конференции «победителей и побежденных», были переименованы в державы «приглашающие», но, как видно хотя бы из этого мелкого факта, везде и во всем сохранили свое привилегированное положение.

Во всех комиссиях наблюдалась одна и та же процедура, преследующая вышеуказанные цели. Повсюду председатели предлагали создать одну или несколько подкомиссий для «облегчения работ». И повсюду предлагался один и тот же метод создания подкомиссий от держав «приглашающих», т.-е. от Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Японии по одному представителю, от России и Германии тоже по одному и от всех остальных малых государств в иных подкомиссиях четыре, в других шесть, которых сами же малые государства избирали тайным голосованием.

Во всех комиссиях вся эта процедура производилась без всяких инцидентов, ибо малые государства по «дипломатической традиции» уже давно привыкли, что они не равноправны с большими.

Только в финансовой комиссии французы, которые некоторое [в]ремя после «провала» г. Барту на пленуме вели себя «прилично», [п]опробовали опять выкинуть очередное «коленце».

После предложения председательствующего в финансовой комис[си]и англичанина, сэра Роберта Горна, создать подкомиссию указанным [п]утем, т.-е. по одному представителю от Англии, Франции, Италии, [Б]ельгии, Японии, Германии и России и четырех представителей от [вс]ех остальных государств,—французский представитель в этой ко[ми]ссии, г. Пикар, которому, очевидно, «лавры» г. Барту не давали [п]окоя, заявил протест против предоставления России и Германии [р]авных прав с Антантой и предложил, чтобы только государства [А]нтанты имели в подкомиссии по одному представителю, все же осталь[н]ые государства, т.-е. Россия и Германия тоже, избрали шестерых [п]редставителей.

Российская Делегация заявила самый решительный протест [п]ротив этого предложения, указав, что Россия согласилась участвовать [н]а конференции только после категорического обязательства ини[ци]аторов признавать за ней равные с другими права, и напомнила, что [в]о всех комиссиях подкомиссии уже создаются по предложенному [п]редседателем принципу. Председатель поддержал заявление Россий[с]кой Делегации и предложил французам взять назад свое предло[ж]ение. Пикар отказался и попробовал сыграть на демагогии, наивно [«о]бъяснив», что он свое предложение вносит в интересах «равноправия». [Р]оссийские представители ему ответили, что Советская Россия всегда [с]тоит за полное равноправие народов, но что они не понимают, как [с] таким равноправием совместить особые привилегии для союзников, [п]оэтому, в интересах действительного равноправия, Российская Деле[г]ация предлагает, чтобы все одиннадцать членов подкомиссии избира[л]ись всеми участниками комиссии. Это предложение, конечно, пришлось [н]е по вкусу господам «приглашающим», и председатель комиссии [з]аявил, что, раз французы своего предложения не снимают, он выну[ж]ден будет поставить его на голосование. И вот за предложение фран[ц]узов не поднялось *ни одной руки* (даже сам г. Пикар не решился [п]однять своей). Таким образом, французы опять оскандалились, а вся [Е]вропа единодушно заявила, что униженную, обессиленную Германию [и] никем из западно-европейских государств непризнанную Советскую [Р]оссию она причисляет к числу великих держав и считает совершенно [р]авноправными с Францией, Англией и т. д.

Вышеуказанными выборами подкомиссий достигалась цель сокра[щ]ения личного состава комиссий. Каким образом осуществлялась [вт]орая цель затягивания работ комиссий, видно из следующего опи[с]ания, например, «деятельности» финансовой комиссии.

Финансовая комиссия собралась в первый раз 11 апреля 1922 года, [п]остановила сорганизовать подкомиссию для обсуждения вопросов [д]енежного обращения и разошлась.

Второе заседание состоялось 13 апреля; было постановлено создать [е]ще две подкомиссии: 1) по вопросам кредита, 2) по вопросам обмена.

Подкомиссия по вопросам денежного обращения собралась вп вые 12 апреля. Поговорили и разошлись. Вторично подкомисси собралась 13 апреля. Постановила создать комитет экспертов д рассмотрения внесенных в эту подкомиссию предложений (главн образом, русского предложения о перераспределении золота, соглас принципов, указанных в русской декларации, оглашенной на перво пленуме конференции).

Подкомиссия по обмену в первый раз собралась 17 апреля и пост новила сделанные ей предложения передать в комитет эксперто созданный подкомиссией денежного обращения.

Вторично эта подкомиссия собралась 19-го апреля и на совместн заседании с подкомиссией денежного обращения рассмотрела рабо комитета экспертов (который, кстати сказать, почти целиком прин русские предложения).

20-го апреля собрался пленум финансовой комиссии и прин предложения подкомиссий денежного обращения и обмена.

Подкомиссия кредита собиралась 24 и 26 апреля.

29 апреля последний пленум финансовой комиссии принял пр ложения этой подкомиссии.

В общем, все три подкомиссии приняли 19 небольших резол ций, в основу которых были положены постановления лондонско совещания экспертов, бывшего, как уже указано, до Генуэзской к ференции.

Все резолюции финансовой комиссии были переданы на плен конференции.

Финансовая комиссия работала ускоренным, по отношению остальным комиссиям, темпом, потому что председатель ее, вели британский министр финансов, должен был спешить в Лондон к откр тию парламентской сессии. По работам этой форсированной комисс можно судить о темпе работ остальных.

Что касается содержания их работ, то тут необходимо напоми нижеследующее.

Во время империалистической войны все государства, в особе ности воюющие, вынуждены были применять всяческие меры огра чения частной предприимчивости, должны были строжайшим об зом регулировать производство, торговлю и даже потребление. Пос войны этот, как его в свое время окрестили, «каторжный капитализ держался еще довольно долго. Но буржуазный мир все больше опя возвращался к старым идеям свободы частной предприимчивост Последняя тенденция характеризует все бывшие недавно межд народные экономические совещания. На Генуэзской конференц окончательно победила точка зрения полной свободы как в облас производства и торговли, так и в области денежного обращения денежного обмена. Только одна Российская Делегация защища на конференции принцип монополии внешней торговли и госуда ственного регулирования промышленности и признала невозможн для себя отказаться от этих принципов.

Во всех комиссиях и подкомиссиях Российская Делегация приняла самое активное участие, внося свои конкретные предложения, поправки к имеющимся предложениям или контр-предложения. Многие из таковых конференцией были приняты.

Российская Делегация представила конференции докладную записку о новом правопорядке в России, о новом гражданском и уголовном кодексе Р. С. Ф. С. Р. Вместе с тем она также подробно, ничего не утаивая и ничего не прикрашивая, довела до сведения конференции весь материал о действительном финансовом и экономическом положении России и дружественных ей Советских Республик. Российская Делегация также подробно перечислила все те мероприятия, которые, по ее мнению, могут привести к восстановлению хозяйства России. Наконец, Российская Делегация в различных комиссиях и подкомиссиях неоднократно подчеркивала, что под угрозой новых империалистических войн и под все возрастающим бременем грандиозных расходов на вооружения всех государств мира не может быть речи об успокоении Европы, нельзя и помышлять о восстановлении мирового или европейского хозяйства.

Все это со вниманием выслушивали, но конкретных, практических решений никаких не принимали.

Вообще, «общеевропейская экономическая конференция в Генуе» не дала никаких практических, обязательных постановлений. Все ее резолюции—только простые пожелания, принятые в расплывчатой никого ни к чему не обязывающей форме.

Вот, например, резолюция первой финансовой комиссии по вопросу о денежном обращении гласит: «Важнейшим условием экономической реконструкции (восстановления) Европы является, чтобы каждое государство пришло к стабилизации своей валюты (к укреплению своей денежной единицы)». Как будто без этой резолюции никто не знает, что хорошие деньги лучше плохих, что обесценение денег препятствует экономическому развитию? Но ведь поднять цены денег нельзя без общего экономического подъема. Как выйти из такого заколдованного круга—ни одна из генуэзских резолюций не говорит. Есть много фраз о том, что «желательна» помощь государств экономически более сильных государствам экономически более слабым, но *обязательства* такой помощи нет нигде. По одному из важнейших вопросов, по вопросу о кредите разоренным государствам говорится, что государства, нуждающиеся в кредите, должны стремиться к сокращению своих расходов и «рекомендуется возможно большему числу участников Генуэзской конференции содействовать созданию и облегчению операций Интернационального Консорциума и Национальных Консорциумов».

Такого же характера и резолюции по транспортным и экономическим вопросам.

Интересно отметить, что экономическая комиссия, помимо юридико-экономической подкомиссии, имела еще специальную подкомиссию по рабочему вопросу.

Эта подкомиссия, в отличие от всех остальных, вообще не изб ралась, но была просто назначена председателем экономическ комиссии, французом г. Кольра. Российская Делегация при тако назначении там места не получила, а после протеста с ее сторон ей был предложен совещательный голос. Российская Делегаци в письменной форме послала мотивированный протест против тог что представительство единственного в мире правительства рабочи и крестьян сначала вообще не допускается в подкомиссию по рабочем вопросу, а затем получает там только совещательный голос, и от раб в этой подкомиссии уклонилась.

Эта подкомиссия была в сущности ничем иным, как повторени заседаний пресловутого международного рабочего бюро при Лиге Н ций, управляемого, как известно, социал-предателями из лагер Альбера Тома под руководством буржуазии.

Прежде, чем перейти к изложению работ политической комисси необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство.

В первоначальном тексте многих резолюций содержались пре ложения о передаче технического исполнения некоторых решени комиссиям «Лиги Наций». Во всех случаях, когда имелись таки предложения, Российская Делегация заявляла протест (иногда по держиваемый и Германской Делегацией) и указывала, что «Ли Наций» не признает, на свою территорию ее комиссий не допустит настаивает на снятии такого предложения. И *ни разу* ни одного голо на конференции не поднималось в защиту «Лиги Наций», а эти предл жения обыкновенно либо снимались, либо соответственно изменялис

Для правильной оценки значения и роли Генуэзской конференц необходимо запомнить все подобные факты.

3. Русский вопрос. Борьба двух систем собственности.

Политическая комиссия сразу же выявила себя, как комисс по русскому вопросу. Она также, как и все комиссии, избрала по комиссию, на первом же заседании которой Российской Делегац был вручен знаменитый «меморандум лондонских экспертов».

Этот меморандум представляет собою книжку в 63 стр. большо формата, из коих 40 посвящены России. Так как раньше этот мемора дум нигде опубликован не был, то Российская Делегация потребова перерыва для того, чтобы иметь возможность внимательно ознакомить с содержанием этого важного документа.

Прекрасно характеризует этот документ то обстоятельство, что е авторы, очевидно, чувствовали некоторую неловкость, вручая ег ибо несколько раз подчеркивали, что документ—не окончательны что в нем изложены только мнения экспертов, еще не принятые соотв ственными правительствами.

Мы не станем приводить этого документа целиком, во-первы потому, что он достаточно известен, во-вторых же и, главным образо потому, что он никакой ценности, кроме исторической, теперь не имее

так как уже в Генуе от этого документа по существу ровно ничего не осталось.

Меморандум лондонских экспертов по русскому вопросу содержит в себе три отдела: I. Вступление. II. Условия, при которых иностранное содействие и иностранный капитал могут быть применены в деле восстановления России. III. Мероприятия, благодаря которым может быть облегчено скорейшее восстановление России. Отдел II в свою очередь разделяется на два подотдела: 1. Ликвидация прошлого; 2. Предложения для будущего.

Во вступлении господа эксперты отделываются только общими фразами, но зато «ликвидация прошлого» по их просвещенному мнению заключается в уплате Россией всех без исключения долгов бывшего царского и временного правительств, а предложения для будущего и мероприятия к ускорению восстановления России сводятся к лишению России ее самостоятельности и установлению в ней режима, который до войны введен был только в Турции и иных странах Востока.

Подробная характеристика и критика этого документа, несмотря на корректность формы, дана в ответном меморандуме Российской Делегации, который мы поэтому приводим здесь целиком.

Ответный меморандум Российской Делегации на Лондонский меморандум экспертов.

Каннские резолюции.

Когда по постановлению Верховного Совета от 10 января с. г. Россия была приглашена участвовать в Генуэзской конференции, ей были сообщены резолюции, принятые Верховным Советом в Каннах 6-го января, но само приглашение не было обусловлено принятием этих резолюций, или какими-либо другими требованиями.

Однако, Российская Делегация, исходя из убеждения, что при правильном и последовательном толковании каннских резолюций может быть найдена почва для взаимного понимания и разрешения спорных вопросов между Р.С.Ф.С.Р. и западно- европейскими странами, в первом же пленарном заседании Генуэзской конференции заявила, что принимает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право вносить в них поправки и предлагать новые пункты. Почвою для соглашения по спорным вопросам служат, по мнению Делегации, 3 основных тезиса каннских резолюций: 1) признание за каждой нацией полного суверенитета в установлении систем собственности, хозяйства и управления в своей стране; 2) законодательное, судебное и административное обеспечение личных и имущественных прав тех иностранцев, которые захотят отправиться в Россию для хозяйственной деятельности и 3) признание принципа взаимности в исполнении всеми правительствами их обязательств и в возмещении убытков, понесенных иностранными гражданами, как это разъяснено в заметке для печати, подготовленной министрами и экспертами в Каннах, на официальный характер которой указывал г. первый министр Великобритании в своей парламентской речи от 3 апреля с. г.

Меморандум экспертов и каннские резолюции.

Между тем, меморандум, составленный экспертами союзных держав в Лондоне 20—28 марта с. г.., с которым Русская Делегация имела возможность ознакомиться только на самой конференции, резко отступает в самых существенных своих положениях от тезисов Каннского совещания и противоречит в своих практических требованиях тем принципам, которые высказаны в вводной части мемо-

андума. Утверждая, что русский вопрос рассматривался с точки зрения «справедливости» и необходимости «экономического восстановления» России без «эксплоатации русского народа», меморандум тем не менее предъявляет практические требования, означающие не только эксплоатацию, но и полное закабаление трудового населения России иностранному капиталу, совершенно обходя в то же время наиболее существенный вопрос о средствах восстановления хозяйства России. Это умолчание тем более непонятно, что без подъема производственных сил России немыслимо экономическое возрождение Европы, переживающей длительный, все углубляющийся промышленный кризис, сопровождаемый сокращением рынков сбыта, недостатком сырья и продовольствия и постоянно растущей безработицей. Так, число безработных в Европе и Америке последнее время не спускается ниже 9 милл. человек.

Англия, Италия, Франция и Германия производили с 1916 г. по 1920 г. на 25 милл. тонн меньше хлеба, чем до войны, и потеря для них обычного русского хлебного ввоза в 8.000.000 тонн ежегодно на длительный срок означает для них серьезнейший продовольственный кризис и полную невозможность дальнейшего развития. Американский хлеб уже теперь для Европы слишком дорог. Промышленность Европы работает меньше, чем на половину своей производительной способности, за отсутствием рынков сбыта и платежеспособности спроса. Все эти условия вызвали необходимость как каннских решений, так и Генуэзской конференции, и несмотря на то, что центр тяжести проблемы лежит в восстановлении России и Европы, а не в восстановлении имущественных прав и доходов небольшой группы кредиторов России, тем не менее в центре всего меморандума поставлен именно этот последний вопрос.

Условия будущей работы.

Исходя из указанных во введении к меморандуму общих положений, собравшиеся на конференцию представители правительств Европы должны были бы уделить главное внимание вопросу о средствах, необходимых для поднятия производительных сил России, а не способам удовлетворения претензий кредиторов России, как это сделано в меморандуме.

Перед грандиозными заданиями восстановления хозяйственных отношений Европы, разрушенных войной, послевоенной политикой и небывалым кризисом, и улучшения быта широких трудовых масс, должны отойти на задний план претензии частных лиц в отдельных странах, хотя бы самые справедливые. Быстрое возрождение хозяйственной мощи России может быть достигнуто только путем немедленной и энергичной помощи русскому народу силами европейского капитала и техники, в форме долгосрочного товарного и денежного кредита, а не путем разорения русского народа и задержки экономического развития России ради удовлетворения интересов иностранных капиталистов.

Исходя из потребности восстановления народного хозяйства России всеми доступными в настоящий момент средствами, Правительство Р.С.Ф.С.Р., после перехода к новой экономической политике, реформировало гражданское законодательство и судоустройство, предоставив иностранным капиталистам совершенно достаточные гарантии и поставив их в условия, при которых, в рамках существующего строя, их интересы и правосознание встретят обстановку, вполне обеспечивающую их успешую работу.

Изложенные в ст. 8-ой и следующих меморандума требования гарантий прав иностранцев в России, основаны, повидимому, на недостаточном знакомстве с новым русским законодательством. За последние месяцы (в соответствии с новой экономической политикой) Правительством Р.С.Ф.С.Р. проведены уже следующие юридические меры: 1) свобода внутренней торговли, 2) юридическое обеспечение свободы промышленной инициативы и частно-капиталистических форм хозяйства в предприятиях, предоставляемых государством частной эксплоатации, 3) свобода каждого заниматься незапрещенными видами торговой и промышленной деятельности, 4) гарантии личности всех граждан, в частности, иностранцев, против незаконных реквизиций, конфискаций, арестов и т. п., 5) специальные гарантии иностранным концессионерам по отдельным концессионным договорам, 6) гражданское уложение и гражданские суды с участием юристов. Одновременно с этим профессиональные рабочие организации Советской Республики приняли постановление о том, что они ставят центром тяжести своей работы прежде всего охрану труда занятых в производстве рабочих, устанавливают взаимоотношения между предпринимателями и рабочими в форме коллективных договоров и совершенно отстраняются от вмешательства в управление производством.

Русская Делегація готова выслушать все те пожелания, которые будут предложены другой стороной в развитие и укрепление указанных гарантий, придавая самое серьезное значение созданию условий, наиболее благоприятных для иностранного капитала. Делегация не сомневается, что практически не трудно будет достигнуть соглашения по вопросам условий работы иностранцев в России и гарантий их личности и имущества. Однако, она не может не обратить самого серьезного внимания на то, что законодательные и административные мероприятия Советского Правительства только тогда смогут дать действительную и надежную гарантию иностранному капиталу, как внутри России, так и в международных отношениях, когда это правительство будет признано де-юре и его права и компетенціи не смогут оспариваться ни с чьей стороны. Иностранные деловые круги, лучше самих правительств понимающие важность и необходимость для них проникновения в Россию, воздерживаются сейчас от этого не потому, что не были уплочены кредиторам долги бывшего правительства, а потому, что формальные права Советской власти все еще являются в глазах иностранных правительств спорными и

на этой почве возможны новые конфликты, грозящие рисками иностранным капиталистам.

Вместе с тем, делегация считает необходимым отметить, что авторы лондонского меморандума, намечая во второй главе необходимые, по их мнению, гарантии экономической работы в России иностранного капитала, резко отступают от параграфа первого канских резолюций, стремясь навязать России определенное внутреннее законодательство, чуждое ее нынешнему строю, и, под предлогом создания «условий успешной работы» иностранного капитала, ввести в России систему капитуляций, покушающуюся на ее суверенитет. Наиболее ярким примером этого является статья 24-я меморандума, стремящаяся установить судебную экстерриториальность иностранцев, а также вся организация комиссии русского долга, план которой изложен в приложении 1-ом, каковая, в случае осуществления, несомненно, превратилась бы в орган иностранного контроля над всей хозяйственной жизнью Российской Республики, подобно установленной Версальским договором репарационной комиссии.

Советская власть и ее обязательства.

Делегация заявляет, что Советская власть, вышедшая из Великой Революции, всегда исполняла и впредь намерена исполнять все принятые ею на себя обязательства, а потому предоставляемые ею публично правовые гарантии не менее прочны, чем гарантии любой другой суверенной державы. Несмотря на то, что Советскою властью за последние 2 года заключены были за-границей сделки на сотни тысяч зол. руб., не было ни одного случая нарушения ею контрактов или неисполнения принятых на себя обязательств. Делегация решительно заявляет, что всякие сообщения, утверждающие противное этому и появляющиеся по временам в печати, являются сплошным вымыслом.

Если Советская власть отказывалась от признания обязательств прежних правительств или от удовлетворения претензий лиц, понесших убытки от мероприятий внутренней политики, как национализация предприятий, муниципализация домов, реквизиция или конфискация имущества, то не потому, что вообще она «неспособна» или «несклонна» сдерживать обязательства, а по причинам принципиального характера и политической необходимости.

Революция 1917 года, совершенно уничтожившая все старые экономические, социальные и политические отношения и заменившая старое общество новым, передав в силу суверенитета восставшего народа государственную власть в России новому общественному классу, тем самым прервала преемственность гражданских обязательств, являвшихся составною частью экономических отношений исчезнувшего общества и отпавших вместе с ним. Эта революция была грандиозным стихийным сотрясением, какие мир переживал лишь в исключительные моменты, и ее характер, как непреодолимой силы, не может оспариваться ни одним об'ективно мыслящим государственным

человеком. Поэтому к революционной России более, чем к другим странам в моменты стихийных движений и восстаний, применимы отзывы авторитетов международного права, отрицающих за правительствами стран, граждане которых пострадали от этих явлений, право требовать возмещения по обязательствам, а тем более применять для удовлетворения этих требований силу (см. приложение № 1).

Отклоняя безусловно всякую ответственность за те разрушения иностранного имущества, которые произошли от экономического кризиса, вызванного войной и ее последствиями, или вследствие оставления имущества уехавшими за-границу владельцами его, а также от разорения иностранного имущества во время союзной интервенции и гражданской войны, поддерживаемой союзными правительствами,—Российская Делегация должна обратить внимание конференции на тот факт, что и планомерные действия самой Советской власти, как национализация орудий производства и реквизиция имущества, принадлежащего иностранцам, не возлагают на нее обязанности компенсировать потерпевших лиц. Союзные правительства, а под их давлением и правительства нейтральных стран, враждебно встретили самый факт советского переворота и отказались вступить с новым русским правительством в официальные отношения еще до того, как им были приняты первые меры по национализации. Ими не было сделано ни малейшей попытки войти в соглашение с Советской властью для защиты интересов их сограждан и полюбовной ликвидации их имущественных прав в России, несмотря на то, что в тех случаях, когда отдельные представители иностранных правительств вступали в сношения с Советской властью для защиты интересов их сограждан,—там, где это оказывалось возможным,—Правительством Р.С.Ф.С.Р. были приостановлены реквизиции имущества и был возмещен целый ряд убытков. Также некоторые иностранные заводы, владельцы или управляющие которыми вошли в определенный контакт с Советским Правительством, не были национализированы и работают до сих пор на началах частной собственности. Вместо того, чтобы озаботиться защитой интересов своих граждан при происходившем социальном перевороте в России, иностранные правительства как воюющих, так и нейтральных наций отозвали не только своих дипломатических и консульских представителей, но и частных лиц, своих граждан, которые согласились последовать этому призыву. Иностранное имущество было брошено на произвол судьбы, что угрожало серьезной опасностью промышленности страны, в виду того, что ряд иностранных предприятий имел исключительно важное значение для общего хозяйства России.

Иностранная интервенция.

Не довольствуясь этим разрывом сношений с Советской Россией, Державы Согласия начали военную интервенцию и блокаду, совершенно открыто поддерживая создаваемые их же агентами местные

восстания (чехо-словаков, донских и кубанских казаков, белогвардейцев в Сибири, Ярославле и т. д.) и подкрепляя военные действия армий Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и прочих посылкой собственных военных сил на север России, в Черное море и на Кавказ. Фактически установлено, что Советское Правительство даже в первые месяцы своего существования без труда справлялось с попытками к восстанию местных недовольных элементов, и только там, где эти элементы организовывались и поддерживались активно союзными правительствами, снабжавшими их деньгами, аммуницией, обмундированием и военными инструкторами,—эти спорадические мелкие восстания превращались в целые фронты гражданской войны, сопровождавшиеся дикими эксцессами, как уничтожение целых деревень, безобразные еврейские погромы и т. п. зверства. Военная экспертиза категорически утверждает, что без указанного вмешательства иностранных держав отдельные местные восстания в России никогда не могли бы принять характер опустошительной гражданской войны, потому виновность и ответственность союзных правительств за организацию и поддержку гражданской войны в России и за причинение колоссальных убытков русскому народу и государству не подлежит ни малейшему сомнению (см. прил. № 2).

Доля этой ответственности за все это падает и на те нейтральные страны, которые, предоставив гостеприимство контр-революционным элементам для подготовки на своей территории заговоров против России, вербовки участников гражданских войн, закупки и транзита оружия и т. п., в то же самое время приняли участие в бойкоте и блокаде России. Поставленная иностранной интервенцией и блокадой в необходимость отчаянной самообороны, Советская власть фактически вынуждена была интенсифицировать темп национализации промышленности и торговли, а также применять к собственникам иностранного имущества в России те меры ликвидации предприятий, конфискаций или безвозмездной национализации имуществ, которые были введены в международный обиход, как новый «узус» воюющими— и как раз больше всего союзными—правительствами. Однако, Советская власть никогда не применяла мер ограничения личных и имущественных прав иностранцев только потому, что состояние обороны против интервенции давало ей это право. Эти меры применялись лишь, поскольку того требовали интересы общественной безопасности и блага, в частности, осуществление плана национализации промышленности и торговли, неизбежно вытекавшего из новых хозяйственных и правовых отношений и из необходимости спешно реорганизовать производство и распределение в рамках изолированного, отрезанного от всего мира блокадою, государства. И здесь Советская власть использовала только бесспорно принадлежащее всякому государству право привлечения к несению общественных повинностей и право распоряжения имуществом собственных и иностранных граждан, когда того требует насущный интерес страны.

Интервенция и блокада со стороны союзных держав и поддерживаемая ими в течение 3-х лет гражданская война причинили Рос-

сии убытки, далеко превосходящие возможные претензии к ней со стороны иностранцев, потерпевших от русской революции. Помимо секвестрованного за-границей и вывезенного из России золота и целого ряда запасов и товаров, государство Российское требует возмещения за разрушенные военными действиями железные дороги, мосты, подвижной состав, портовые и другие сооружения, потопленные суда, а также фабрики, заводы и многочисленное имущество частных граждан, как дома в городах, так и крестьянские усадьбы в деревне. Кроме этого, оно предъявляет требование о возврате его военного и торгового флота, уведенных союзными державами непосредственно или белогвардейскими армиями под защитой союзных держав. На ряду с этими претензиями, выражающими непосредственный ущерб государственному и частному хозяйству России, подлежит удовлетворению и длинный список убытков как национализированной промышленности, так и частному хозяйству, нанесенный военными действиями на оккупированной иностранными и белогвардейскими армиями территории и возмещение многим сотням тысяч инвалидов гражданской войны и семьям погибших.

Эти убытки русского народа и государства дают гораздо более бесспорное право на возмещение, чем претензии бывших владельцев имуществ в России или русских займов, принадлежащих к нациям, победившим в мировой войне и получившим с побежденных колоссальные контрибуции, тогда как их претензии предъявляются к стране, разоренной войною, иностранной интервенцией и отчаянно борющейся за собственное существование в тех государственных формах, которые она считает для себя единственно возможными.

Странное всего слышать требование возмещения убытков, понесенных гражданами государств, безуспешно воевавших против России, из уст представителей правительств, применявших во все время войны право конфискации частной собственности граждан противной стороны на своей территории и утвердивших это право Версальским договором даже для мирного времени, возлагая, кроме того, на все население побежденного государства имущественную ответственность за убытки, причиненные победителям военными действиями его правительства.

Советская власть готова на взаимное возмещение убытков.

Тем не менее, Правительство Р.С.Ф.С.Р., желая найти почву для соглашения и восстановления деловых сношений с иностранным капиталом, готово признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков, однако, при непременном условии соблюдения взаимности, как того требует цитированная уже заметка для печати от 11 января, говорящая о «признании всеми странами их публичных долгов и возмещении за потери и убытки, причиненные действием правительств». Советское Правительство, противопоставляя убыткам иностранных граждан от действий Советской власти убытки России от разорения ее союзными войсками и под-

державшимися ими русскими белогвардейцами, согласно рассмотреть те и другие и возместить убытки, если счет будет не в его пользу.

Так называемые военные долги Русского Правительства.

К сожалению, эксперты союзных держав, уклоняясь от провозглашенных в их меморандуме принципов справедливости и восстановления, а не эксплоатации России, отказываются от принятия этой точки зрения и предлагают компенсировать претензии России за разорение ее совершенно своеобразной категорией своих претензий, так наз. военными долгами Русского Правительства (см. ст.ст. 5 и 6 меморандума).

Это желание погасить бесспорные претензии русского народа к иностранным правительствам, нанесшим ему непосредственные убытки военной интервенцией, противопоставляя им так наз. военные долги, т.-е. ту категорию междусоюзных обязательств, о полном взаимном аннулировании которой самими же союзниками поднят вопрос, представляется Российской Делегации по меньшей мере странным. Она вынуждена самым категорическим образом отклонить вообще предъявленные ей счета по этим долгам, как недопустимую попытку взвалить на плечи разоренного русского народа значительную долю военных расходов союзных держав. То, что именуется военными долгами России, представляет собою запасы военного снабжения, изготовлявшегося на заводах союзных стран и посылавшегося на русский фронт для обеспечения успеха союзных армий. Русский народ принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе; он понес огромный имущественный ущерб и, в результате войны, потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И, после того, как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территорий, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, принесшей столь богатые плоды другим державам. Российская Делегация призывает всех членов конференции оценить всю непоследовательность и необоснованность подобного требования.

Стремление восстановить частную собственность и частн. хозяйство в России.

Наконец, Русская Делегация не может обойти молчанием, что, вопреки провозглашенному параграфом первым каннских резолюций праву каждой нации устанавливать желательные для нее системы собственности и хозяйства, меморандум экспертов неоднократно выдвигает вопрос о реституции национализированных предприятий их бывшим собственникам, т.-е. о восстановлении в открытой или замаскированной форме права частной собственности на промышленные предприятия, в отмену установленной в России государственной собственности. Советское Правительство, исходя из соображений

наиболее успешного восстановления промышленности и достижения его максимальной производительности, само стремится, при сдаче в концессию рудников, фабрик и прочих предприятий, оказывать предпочтение их бывшим собственникам, как лицам, обладающим опытом и знанием страны. Но оно не может принять условия реституции этих предприятий на правах собственности, ни даже обязательной сдачи их в аренду прежним владельцам, так как это нарушает суверенитет Российской Республики и ее свободу располагать имеющимися производительными силами соответственно потребностям и интересам русского народа. Не говоря уже о том, что возврат к частной собственности с восстановлением границ прежних владений явился бы в большинстве отраслей крупной промышленности, в особенности же в нефтяной, каменноугольной и электрической, сильнейшим препятствием к подъему производительных сил России и возможно быстрому возрождению ее хозяйства.

Обязательства России по лондонскому меморандуму и ее национальный доход.

В меморандуме не упоминается возможная цифра долгов России, вытекающая из всех обязательств по старым долгам и частным претензиям. Но, согласно подсчетам, делавшимся в иностранной экономической печати, сумма долгов по всем перечисленным в меморандуме категориям, должна равняться приблизительно $18^1/_2$ миллиардам зол. руб. За вычетом военных долгов получается сумма довоенных долгов и частных претензий с процентами по 1-е декабря 1921 года в цифре около 11 миллиардов, а с процентами по 1-е ноября 1927 года около 13 миллиардов. Если допустить на минуту, что Советское Правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью и в положенный срок, то первый взнос с процентами и с погашением $^1/_{25}$ долга потребовал бы сумму около 1,2 миллиарда. Царское правительство с огромным напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции в хозяйстве и довоенных размеров внешней торговли, имевшей превышение вывоза над ввозом, в последние 5 лет перед войной в среднем 366 миллионов в год, выплачивать процентов и погашения около 400 миллионов рублей в год. Чтобы иметь возможность выплачивать указанную сумму в 1,2 миллиарда в год, Россия должна не только достигнуть довоенной продукции к 1927 году, но и превысить таковую в 3 раза. Так как ежегодный чистый национальный доход России равнялся перед войной 101 руб. на душу населения, а в настоящее время составляет около 30 руб. на душу, т. е. уменьшился более, чем в 3 раза, то меморандум экспертов молчаливо, повидимому, предполагает, что за 5 лет наш национальный доход должен возрасти в 9 раз. Насколько неосуществимо это предположение видно из того, что национальный доход Англии, Франции, Германии и России на душу населения с 1894 по 1913 год возрос в среднем на 60%, или увеличивался на 3% ежегодно. Российская Делегация вполне согласна с тем, что при

советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и—при царском режиме—в России до войны и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в 2 раза быстрее. По Делегация, как это не лестно было бы для Советской власти, считает все же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет итти ровно в 60 раз быстрее в сравнении с довоенным ростом. Производство в России глубоко расстроено. Чистый годовой национальный доход страны упал с 12 миллиардов—до войны до 4 миллиардов—по самым оптимистическим подсчетам. Если национальный доход наш будет расти в 2 раза быстрее, чем до войны и удвоится в 16 л., то стране нужно будет 25 лет, чтобы вернуться к уровню довоенной продукции. А так как в первую очередь и с максимальной аккуратностью страна должна будет платить и проценты и погашения по новым займам, которые помогут ей хозяйственно подняться, и эти платежи должны начаться гораздо раньше указанного выше срока, то для уплаты по другим обязательствам у России на сколько-нибудь предвидимый исторический срок вообще нет и не будет никаких ресурсов. Этот вывод могла бы подтвердить любая беспристрастная и научно добросовестная комиссия экспертов экономистов, которая имела бы возможность познакомиться с состоянием нашего народного хозяйства.

Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3% всего чистого или ежегодного национального дохода и около 13% всего государственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через 5 лет такой суммы, которая равна 20% всего возросшего на 30% национального дохода и около 80% всего теперешнего государственного бюджета России, при чем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в 7—8 раз больше национального дохода России.

Оплата по старым обязательствам и восстановление России.

Если бы Советское правительство обязалось платить из национального дохода разоренной страны хотя бы часть тех сумм, которые вытекают из перечисленных в лондонском меморандуме обязательств, то это не только привело бы к систематическому недопотреблению и хроническому вырождению ее населения, но и серьезнейшим образом задержало бы весь процесс восстановления ее хозяйства. Россия не могла бы тогда в максимально краткий срок вновь занять в мировом хозяйстве роль крупнейшего поставщика хлеба и сырья для Европы и вновь сделаться огромным рынком для европейской промышленности и, восстанавливая свое хозяйство, служить важнейшим элементом восстановления всего мирового хозяйства вообще. Если получение новых кредитов на восстановление хозяйства Рос-

сии будет обусловлено уплатой по старым обязательствам и весь положительный результат новых займов и связанного с ним более быстрого темпа восстановления хозяйства пойдет на уплату старых долгов, то для русского народа теряют всякий смысл новые кредиты и ему придется продолжать начатое и естественно медленно идущее восстановление хозяйства страны собственными силами, не надеясь на помощь иностранного капитала. Между тем, не только русский народ, но и все народы Европы и Америки, и даже подавляющее большинство промышленных и торговых кругов этих стран заинтересованы в первую очередь отнюдь не в вознаграждении небольшой группы старых кредиторов, а в восстановлении новых экономических связей с Россией и в немедленном привлечении в Россию иностранного капитала на таких условиях, которые, обеспечивая достаточные выгоды этому капиталу, в то же время способствовали бы развитию всего народного хозяйства России.

Необходимость общей ликвидации финансовых обязательств военного времени.

В результате войны хозяйство во всех странах Европы находится в состоянии глубокого упадка и все свидетельства на доходы имущих слоев населения, возникшие перед войной или во время войны (акции, свидетельства госуд. займов и т. д.) ни в какой мере не соответствуют размерам реального национального дохода, и в то же время государственные обязательства не соответствуют размерам бюджетов. Отсюда усиливается все более и более ясно сознаваемая необходимость поставить все свидетельства на доходы и обязательства в соответствии с размерами производства и национальным доходом. Эта необходимость находит свое выражение как в постепенном приближении к государственному банкротству ряда стран, вынужденных отказаться от уплаты военных долгов, так и в ряде банкротств отдельных банков, частных фирм и в непрерывном падении стоимости всяких акций и ценных бумаг. И в то время, как государства отказываются от платежей или же фактически их не платят, частные предприятия и банки объявляют банкрот, а массы трудового населения расплачиваются за потрясения, вызванные войной, огромным понижением уровня своего существования,—во всем мире оказываются незатронутыми бедствиями войны, согласно меморандума экспертов, лишь кредиторы России, которые одни должны получить по всем счетам с процентами, как если бы Русская Революция застраховала их от всяких рисков и всяких ущербов, которые понесли во всем мире народные массы и капиталистические круги.

Исходя из всего сказанного, Российская Делегация предлагает такое решение вопроса о долгах и взаимных обязательствах, какое было изложено выше и какое находится в полном соответствии с реальной экономической обстановкой, создавшейся в результате мировой войны и вызванных ею потрясений, так и в согласии с нуждами и требованиями восстановления всего мирового хозяйства.

В заключение Российская Делегация еще раз и с особой энергией обращает внимание общественного мнения всех стран на тот факт, что Советская власть России выдвигает на первый план в переговорах и в стремлении притти к соглашению интересы будущего своей страны и интересы хозяйственного развития всей Европы,— в то время, как соглашение может быть сорвано или отсрочено из-за узких эгоистических интересов немногочисленной группы бывших кредиторов России, к сожалению, оказывающих слишком большое влияние на политику своих правительств.

К этой докладной записке было два приложения. В одном заключались ссылки на авторитеты международного права и известных государственных деятелей, доказывавших, что в случаях восстаний или гражданской войны иностранцы не могут требовать возмещения понесенных ими из-за этого убытков. Во втором—копии материалов, действительно подтверждавших участие союзников в гражданской войне в России.

Российская Делегация не была в состоянии своевременно вручить этот документ своим противникам, ибо, когда отсрочка в заседаниях политической подкомиссии затянулась на несколько дней, союзники стали нервничать и запрашивать, когда же Российская Делегация представит свой ответ. Очевидно, они опасались,—особенно Англия,— что Россия всерьез примет все требования «лондонского меморандума» и даст такой ответ, который затруднит или, чего доброго, сделает совершенно невозможными дальнейшие переговоры. Повидимому, по этой именно причине на 2—3-й день после перерыва заседаний подкомиссии английские «посредники» начали намекать, что недурно бы т. Чичерину частным образом потолковать с Ллойд-Джорджем, а 14 апреля один из сотрудников английской делегации уже прямо заявил, что Ллойд-Джордж-де приглашает часть Российской Делегации на «виллу Альберти», где он жил, для частных неофициальных переговоров по русским вопросам.

От имени Российской Делегации отправились тт. Чичерин, Красин и Литвинов. Но когда они прибыли к Ллойд-Джорджу в расчете на частные переговоры с ним лично, то застали там, кроме Ллойд-Джорджа, представителей Франции, Италии, Бельгии, т.-е. всю Антанту без одной Японии; увидели стол заседания и за ним стенографов, машинисток, переводчиков; одним словом, заседания политической подкомиссии оказались перенесенными на «виллу Альберти» с исключением из нее, помимо Японии, Германии и представительства малых государств.

Русские делегаты выразили свое удивление по поводу такой неожиданной «перемены обстановки», но их успокоили тем, что эти переговоры не носят официального характера и что так-де легче договориться.

Действительно, переговоры на «вилле Альберти» велись в гораздо более простом тоне, нежели в комиссиях и подкомиссиях и «союзники» гораздо более откровенно ссорились между собой.

В переговорах на «вилле Альберти» вопрос сразу был поставлен ясно и точно: буржуазный мир желает получить от России все ее долги, но не желает давать ей никаких кредитов.

Об экономическом восстановлении мирового, или европейского, или даже российского хозяйства на «вилле Альберти» не было и речи. Русский вопрос рассматривался вне этого общего вопроса и поставлен был так: вопрос о довоенных долгах царского правительства, вопрос о военных долгах и вопрос о претензиях частных лиц иностранцев, собственность которых была национализирована, реквизирована и т. д. в России.

Принципиальная позиция Российской Делегации по этим вопросам, изложенная в первом русском меморандуме, коротко говоря, сводилась к следующему: довоенные долги Россия признает при условии взаимности, т.-е. при условии признания противниками всех контр-претензий Р. С. Ф. С. Р. и дружественных с ней Советских Республик, следовательно, возмещения всех убытков, причиненных иностранной интервенцией и создаваемыми и поддерживаемыми буржуазными государствами белогвардейскими бандами. Военных долгов Россия совсем не признает, во-первых, потому, что все они были сделаны на военные поставки, следовательно, целиком служили целям общей войны и кроме того военные материалы, поставляемые России Западной Европой и Америкой, были никуда негодными, что Российская Делегация доказывала серьезнейшими и бесспорными фактическими данными; во-вторых же потому, что империалистическая война, в которой царская Россия принимала участие на стороне союзников, была своего рода сделкой между последними,—сделкой, на основании которой все участники этого общего предприятия (война) несли тяготы, но, в случае успеха, должны были получить и определенные выгоды. Царская Россия в этой войне, не говоря уже о цене крови, материально затратила суммы, во много раз превышающие ее военные долги, а убитыми, ранеными и умершими от эпидемий потеряла гораздо больше своих союзников. В случае успеха, России в этой сделке были обещаны большие контрибуции, Константинополь, Дарданеллы, Восточная Галиция и т. д. и т. п. Война окончилась победой союзников; они, действительно, получили все те выгоды, к которым стремились. Наоборот, Россия не только ничего не получила, но и потеряла часть своей территории. Странно же после этого требовать, чтобы Россия все-таки выполнила все свои военные обязательства. «Верните нам обещанные громадные контрибуции, дайте нам обещанные территории; мы, конечно, не империалисты, мы против аннексий и контрибуций. Может быть, мы вернем контрибуции тем народам, от которых они получены; может быть, мы передадим Восточную Галицию украинскому народу, а Константинополь и Дарданеллы—турецкому. Но это наше дело, а не ваше. Нет никаких оснований, чтобы вы владели всем этим. Во всяком же случае только после того, как вы исполните все ваши военные обязательства, данные царскому правительству, может итти речь о том, чтобы Советская Россия платила военные долги царского правительства». Так говорила Российская Делегация в Генуе.

Что касается возмещения убытков частных лиц—иностранцев, пострадавших от революционных мероприятий в России, то Российская

Делегация категорически отказывалась даже обсуждать этот вопрос, доказывая, что право экспроприации буржуазии, право передачи земли, фабрик и заводов в руки рабочих и крестьян *есть бесспорное право победившей революции;* именно против этого права революции восставал весь буржуазный мир, именно для того, чтобы заставить Советскую власть отказаться от этого права весь буржуазный мир четыре с лишним года вел ужасную войну против Советской России, и чрезвычайно странно было бы, если бы Советская Россия теперь добровольно признала бы то, что весь буржуазный мир не мог заставить ее признать силой.

Наконец, Российская Делегация доказывала невозможность требовать возмещения убытков частных лиц, пострадавших от революции и юридическими аргументами, ссылаясь на исторические прецеденты, т.-е. на подобные факты, имевшие место до сего, и на мнения авторитетов международного права и известных государственных деятелей.

По предложению Ллойд-Джорджа, этот последний вопрос, наконец, был выделен особо, и спор вращался, главным образом, вокруг довоенных долгов и русских контр-претензий. Не отвергая возможности принципиального признания российских контр-претензий, противники доказывали, что раньше должен быть разрешен вопрос, платит ли Советская Россия долги царского правительства. Российская Делегация требовала обратного: признания союзниками их обязательств по убыткам за интервенции и разрешения вопроса о довоенных долгах только после этого.

После долгих споров противники пожелали узнать, наконец, в чем же конкретно заключаются российские контр-претензии. Был создан комитет экспертов, которому Российская Делегация сообщила, что материалы по убыткам от интервенции составляют несколько больших сундуков различных документов; Российская Делегация не возражает против того, чтобы гг. эксперты познакомились со всеми этими документами, но, для облегчения работы, представляет общие суммы российских убытков.

Все контр-претензии Российская Делегация разделила на 4 категории.

Актив России за границей и контр-претензии к странам Антанты.

1-я категория:

		В миллионах золотых рублей.
1.	Русское золото, вывезенное за границу по финансовому соглашению с Англией в 1915 и 1916 гг.	567,04
2.	Золото, вывезенное в Германию по Брест-Литовскому договору и хранящееся ныне во французском банке . .	120,04
3.	Золото, помещенное Омским правительством Колчака на счета финансовых агентов кредитной канцелярии . .	(св.)60,00
4.	Золото, высланное Временным Правительством в Швецию	5,00
5.	Золото, вывезенное Колчаком из Казани (за вычетом части, обратно у него отобранной Красной Армией, и за вычетом 60 мил. руб. по п. 3)	215,00
	Всего золота	967,8

6.	Счета Государственного Казначейства и Иностр. Отделений Государств. Банка в разных валютах	148,9
7.	Прямые расходы на борьбу с интервенцией и белогвардейскими восстаниями в 1918—1920 гг. (по Военному и Морскому ведомству без снабжения продовольствием) . .	2445,61
8.	Ущерб российской промышленности: прямые разрушения предприятий, увоз фабрикатов, сырья и т. д. . . .	1353,15
9.	Стоимость разрушений продовольственных складов, элеваторов и др. имущества Народного Комиссариата Продовольствия, а также расходы по продовольствованию Красной Армии и Флота в годы интервенции и белогвардейских восстаний	1819,77
10.	Ущерб железнодорожного транспорта	1074,00
11.	Ущерб внутреннего водного транспорта	29,99
12.	Ущерб от интервенции на Кавказе	273,08
13.	Ущерб от Колчаковского восстания в Сибири	542,30
14.	Разрушения, причиненные г. Ярославлю во время белогвардейского восстания там в июле 1918 г.	124,16
15.	Ущерб от интервенции на Севере (Архангельск, Мурманск и др. беломорские порта)	220,62
16.	Расходы по социальному обеспечению жертв интервенций и белогвардейских восстаний	1813,00
17.	Грузы, увезенные из Владивостока или неувезенные, но совершенно обесцененные	800,00
18.	Грузы на заграничных складах, в портах, в пути, оплаченные Главзаграном, но в Россию не доставленные . .	600,00
	Всего по первой категории	12210,85

19. Ущерб морского торгового транспорта и
20. Ущерб от золотой блокады в этот счет не вошли (особые счета).

2-я категория.

1.	Убытки от обесценения стоимости железнодорожной сети ($^2/_5$ от капитал. стоимости сети в 7430 миллионов золотых рублей и за вычетом $^1/_3$ на отошедшие от России ж.-д. пути Польши, Литвы, Латвии и т. д., а также стоимость ремонта разрушений и эксплоатации ж. д. в областях, бывших в оккупации)	2146,09
2.	Убытки от обесценения внутренней водной системы сообщения (износ торгового флота, засорение шлюзов и проч.), а также стоимость ремонта разрушений и эксплоатации торгового флота, портов, пристаней в территориях, бывших в оккупации	113,32
	Итого ущерб транспорта . .	2259,41

3. Ущерб в инвентаре и скоте крестьянских хозяйств России	1200,00
4. Ущерб в потребительском крестьянском имуществе	2000,00
5. Ущерб от разрушений городских железных дорог (трамваев в 34 городах)	71,37
6. Ущерб прочих отраслей коммунального хозяйства (еще не закончен подсчет).	
7. Социальное обеспечение жертв интервенции и белогвардейских восстаний (2-я категория вспомоществуемых)	1440,00
8. Ущерб в лесном хозяйстве	2300,00
Всего по 2-й категории	9270,78

3-я категория.

1. Убытки российского народного хозяйства от блокады портов России и изоляции сухопутных ее границ (потери по внешней торговле)	140.000
2. Ущерб от недоставления заказов Главзаграна (за вычетом 600 мил. руб. по 1-й категории)	2400,00
3. Ущерб от сокращения работы транспорта	1418,00
4. Ущерб от сокращения производства российской промышленности	5471,42
5. Ущерб от сокращений рыбной промышленности, лесного дела и торговли	1589,00
6. Ущерб от сокращения сельскохозяйственного производства	3281,80
Всего по 3-ей категории	15.560,22

Всего по первым трем категориям: 37041,85 мил. золотых рублей.

4-я категория.

1. Стоимость убыли скота, продуктов животноводства и птицеводства.

2. Стоимость нереализованных урожаев на сохранившейся площади посевов.

3. Убытки от голода, явившегося следствием блокады и понизившего урожайность почвы, степень обработки земли машинами и т. п.

4. Убытки от эпидемий тифа и др. заразных болезней (недостаток медикаментов, как следствие блокады, препятствовал успеху борьбы с эпидемиями).

5. Наличные суммы в городских кассах, полевых казначействах и т. п., увезенные белыми армиями.

6. Материальный ущерб от еврейских погромов, устраиваемых белыми армиями.

7. Неучтенный вывезенный за границу или потребленный белыми армиями хлеб, а также уголь, нефть и другие продукты.

8. Допущенные иностранными державами растраты имущества Российского Государства, совершаемые заграничными представителями низложенного Временного Правительства.

9. Ущерб от непоступления доходов в еще оккупированных территориях (Бессарабия, часть Сибири и т. п.).

10. Реквизированное, конфискованное и просто разграбленное белыми имущество частных граждан.

11. Военные материалы, транспортные средства и всякое иное имущество, секвестрированное и захваченное белыми армиями.

12. Суммы и имущества дипломатических, консульских, финансовых и торговых российских представительств, находившиеся в наличности и на счетах в Кредитных Учреждениях за границей на 7—XI—1917 года.

13. Суммы и имущество общественных и благотворительных учреждений, находившиеся за границей на 7—XI—1917 года (Союз Городов и Земств, Красного Креста и др.).

14. Суммы и имущества бывш. Романовской Династии, находящиеся за границей.

15. Суммы и имущество Украинской Рады за границей.

Убытки этой последней категории по самому существу своему не могут быть точно подсчитаны, но на заседании комитета экспертов Российская Делегация заявила, что учет ущерба по 4-й категории вместе с восполнением пропусков по первым трем категориям должны дать сумму никак не менее *пятидесяти миллиардов золотых рублей.*

Французы так «огорчились» от такой суммы, что, несмотря на негласность переговоров на «вилле Альберти», повсюду жаловались на дерзость Российской Делегации, которая-де не только отказывается платить долги, но требует еще надбавки.

Когда в переговорах выяснился размер российских контр-претензий, началась опять «сказка про белого бычка». Противники доказывали, что Россия должна сначала признать царские долги, а Российская Делегация отвечала, что буржуазные государства должны раньше возместить убытки от их интервенции.

Наконец, спор с принципиальной почвы был передвинут на практическую, и Ллойд-Джордж на действительно частном совещании (на этот раз без своих «союзников») предложил, чтобы российскими контр-претензиями были погашены военные долги России и проценты по довоенным долгам, но чтобы сами довоенные долги Россия обязалась уплатить при условии предоставления ей продолжительной отсрочки и просил написать ему письмо, в котором изложить практическую позицию, приемлемую для обоих сторон.

Это становилось уже необходимым, ибо все остальные участники конференции, не присутствовавшие на переговорах на «вилле Альберти», начинали проявлять вполне недвусмысленные признаки нетерпения и, как говорят, г. Мотта, представитель Швейцарии, от имени нейтральных государств, «дружественно» обратил внимание

лойд-Джорджа на некорректность такого отношения к другим риглашенным на конференцию государствам.

Письмо т. Чичерина Ллойд-Джорджу, создавшее возможность озобновления работ политической подкомиссии, было выработано овместно с англичанами и 20 апреля препровождено Ллойд-Джорджу.

Эго письмо в русском переводе гласит: «Российская Делегация нимательно рассмотрела предложения союзных правительств, изложенные в приложении к протоколам 15 апреля и за этот промежуток ремени совещалась со своим правительством.

Российская Делегация по прежнему держится того взгляда, что нешнее экономическое положение России и обстоятельства, которые нему привели, вполне должны были бы оправдывать полное осво-ождение России от всех ее обязательств, указанных в вышеупомяну-ых предложениях, путем признания ее контр-претензий. Однако, оссийская Делегация готова сделать дальнейший шаг, чтобы до-иться разрешения вопроса и уладить разногласия, и готова принять п. 1, 2 и 3а вышеупомянутого приложения, под условием, если 1) воен-ые долги и неуплаченные или отсроченные проценты по всем дол-ам будут списаны, 2) если России будет оказана достаточная финан-овая помощь, которая дозволит ей в возможно кратчайший срок правиться от ее нынешнего экономического состояния.

По отношению же к пункту 3 б, Российское Правительство, под вумя вышеуказанными условиями, было бы готово возвращать бывним владельцам в пользование их собственность, национализирован-ую или секвестрированную, а там, где это невозможно, удовлетворять праведливые требования бывших владельцев либо путем непосред-твенного соглашения с ними, либо на основании постановлений, етали которых будут обсуждены и составят предмет соглашения на ынешней конференции.

Иностранная финансовая помощь безусловно необходима для эко-омического восстановления России, и пока не имеется перспектив того восстановления, Российская Делегация не считает возможным озложить на свою страну бремя долгов, которых она не может упла-ивать.

Российская Делегация желает также выяснить,—хотя это предста-ляется само собою разумеющимся,—что Российское Правительство е могло бы признать себя ответственным за долги своих предшествен-иков, пока оно не будет формально признано de jure соответствую-щими державами.

Надеясь, что Вы найдете вышеуказанные предложения достаточ-ой базой для возобновления дискуссий,

остаюсь... и проч. Чичерин».

Письмо было найдено «достаточной базой» для возобновления дискуссий, и 21 апреля состоялось, после долгого перерыва, заседание политической подкомиссии, но только для того, чтобы на нем избрать комитет экспертов для более детального разрешения вопросов, затро-нутых в вышеизложенном письме т. Чичерина.

Повидимому, однако, у союзников согласия не было, потому что на первом же заседании этого комитета экспертов французы, придравшись к тому, что Российская Делегация распространила свой меморандум, где изложена иная точка зрения после письма т. Чичерина Ллойд-Джорджу, ушли с этого заседания, сорвав его таким образом.

Российская Делегация разъяснила, что в меморандуме изложена принципиальная ее позиция, тогда как в письме т. Чичерина изложена позиция условных уступок в настоящей стадии соглашения и что поэтому одно другому нисколько не противоречит.

Заседания комитета экспертов после этого опять возобновились, но дальше одного заседания дело опять не пошло. На этом заседании Российская Делегация формулировала ясно и точно изложенную в письме т. Чичерина точку зрения в шести пунктах.

В такой формулировке уже не оставалось сомнений, что довоенные долги Россия намерена платить только при условии немедленного признания de jure и немедленного получения достаточных для восстановления разрушенного хозяйства кредитов, при чем готова начать их платить только через 30 лет со дня подписания соглашений; военных долгов и процентов как за прошлое, так и за будущие 30 лет совсем платить не намерена, а что касается претензий бывших собственников иностранцев, то готова дать им преимущественные права на получение концессий, но оставляет за собой право самостоятельно решать вопрос, кому давать концессии, а кому не давать.

Если, таким образом, вопрос о долгах, быть может, был разрешен в приемлемом для буржуазных государств смысле, то вопрос о претензиях бывших иностранцев—собственников оставался по прежнему самым боевым, ибо вопрос этот ставился не только практически, но и принципиально: буржуазный мир хотел заставить Советскую Россию признать буржуазную систему собственности.

После предъявления Российской Делегацией в комитете экспертов вышеуказанных шести пунктов, как сказано уже, прекратились заседания и комитета экспертов и политической подкомиссии. Правильнее было бы сказать, что заседания политической подкомиссии продолжались, но в ограниченном составе, т.-е. без России и без Германии (последняя, как известно, была исключена из политической комиссии и всех ее подкомиссий после подписания в Рапалло Русско-Германского договора).

По доходившим до Российской Делегации слухам, в это время вырабатывался новый меморандум взамен меморандума лондонских экспертов, позицию которого буржуазия уже не могла более удерживать.

По тем же слухам дело в этой ограниченной политической подкомиссии шло весьма и весьма не гладко и доходило до чрезвычайно серьезных конфликтов среди сговаривавшихся буржуазных государств.

Наконец, 2-го мая Российской Делегации был вручен этот меморандум. Препровождая его, председатель политической комиссии, министр иностранных дел Италии, г. Шанцер, сообщил, что Француз-

ская Делегация вопрос о своем присоединении к этому меморандуму оставила открытым до получения инструкций от своего правительства. Бельгия совсем к нему не присоединилась и, как известно, Франция впоследствии присоединилась к Бельгии, так и не подписав этого меморандума.

Таким образом, соглашение буржуазного мира в русском вопросе не могло быть достигнуто. Принимая во внимание, что Германия заключила с Россией сепаратное соглашение, можно было констатировать фактический раскол буржуазии.

Главным пунктом раздоров все время был и остается вопрос о претензиях иностранцев бывших собственников в России.

В то время, как Англия и большинство государств Европы стали на точку зрения, что можно не требовать от Советской России непременного возвращения бывшей иностранной собственности в натуре и, следовательно, признавали за нею право на сохранение той социально-экономической системы, которая в России установлена,— Бельгия не желала с этим соглашаться, ибо бельгийский капитал был более всего заинтересован в России, а Франция, помимо этих материальных, еще и по причинам принципиальным: во-первых, из стремления еще прочнее привязать к себе Бельгию против Англии, во-вторых, как верная защитница крайних буржуазных позиций.

Собственно говоря, в этой «уступке» буржуазного мира, в согласии на *возмещение* каким-либо путем национализированной или секвестрированной в России собственности иностранцев, в отличие от первоначального требования обязательного *возвращения* этой собственности ее бывшим владельцам,—в этом именно пункте и заключается главная сущность второго меморандума союзников.

Согласиться на это буржуазии было нелегко, ибо по существу такое согласие означает, что буржуазия, хотя и требует возмещения своих убытков, но на будущее *признает необходимость согласования обеих систем собственности, коммунистической и буржуазной*, и признает вместе с тем за Советской Россией право строить свою экономическую и политическую жизнь сообразно со своими принципами. Совершенно естественно, что Франция, застрельщица буржуазной непримиримости, на такие уступки пойти не могла.

Во всем остальном меморандум этот бьет, так сказать, «на психологию».

Начинается он длинным, но достаточно неубедительным рассуждением на тему о том, что Советская Россия гораздо более экономически нуждается в буржуазном мире, нежели обратно, ибо хотя в Европе с выпадением России из ее хозяйственной жизни и замечается лакуна, пустота, но со временем эта пустота будет заполнена, так как «торговля, подобно воде, находит новые протоки, если старые загромождены». Выполняя требование Российской Делегации указать, какие кредиты могут быть предоставлены России, меморандум подробно останавливается на этом, при чем выясняется, что буржуазные государства вовсе не намерены давать России никаких кредитов, но говорят только

о кредитовании собственных граждан, вступающих в экономические сношения с Россией.

Переходя к конкретным предложениям и требованиям, второй меморандум выдвигает целый ряд таких, которых не было даже в первом лондонском меморандуме, вроде требования «подавлять на своей территории всякую попытку поддержать революционное движение в других странах»; обязаться «сохранять строжайший нейтралитет по отношению к воюющим (в Малой Азии) странам», или, наконец, «отдать Румынскому Правительству ценности, имеющиеся у него на вкладах в Москве».

Все эти и подобные требования несомненно выдвигались «для запросу», чтобы было с чего уступать с одной стороны, а с другой, вероятно, также и чтобы запугать несколько Российскую Делегацию намеком на возможность упорства в таких совершенно неприемлемых для нее претензиях. Однако, вопреки требованию Франции, меморандум этот не был предъявлен России ультимативно, и делегации до 11 мая ждали ответа России, несмотря на то, что за этот период времени нетерпеливая Французская Делегация грозила несколько раз отъездом.

В общем и целом, однако, второй меморандум союзников отступал от той позиции, которая была достигнута в переговорах на «вилле Альберти» и это давало полное право Российской Делегации точно также вернуться к первоначальной своей принципиальной позиции, изложенной в первом русском меморандуме.

Свой ответ Российская Делегация вручила противникам 11-го мая. В нем она резко критикует требования моморандума союзников, подчеркивает, что «союзный меморандум от 2-го мая представляет шаг назад по сравнению с соглашением, состоявшимся на «вилле Альберти и даже с меморандумом лондонских экспертов»; подробно доказывает, что во многих отношениях этот меморандум противоречит каннской резолюции и решительнейшим образом отвергает все неприемлемые для России требования этого меморандума. По отношению к финансовым вопросам Российская Делегация напоминает, что Французский Конвент в 1792 году заявил, что «народ не может быть связан договорами тиранов» и указывает, что Россия соглашалась взять на себя довоенные долги только под условием признания ее контр-претензий, т.-е. при условии той взаимности, которой требует и каннская резолюция; раз теперь эти контр-претензии не признаются противниками, Россия не может считать себя связанной никакими «договорами тиранов».

Однако, полагая, что срыв переговоров никому из участников конференции нежелателен, Российская Делегация предложила, удовлетворившись в настоящее время уже достигнутыми соглашениями по общеевропейским вопросам, отложить разрешение неразрешенных русских вопросов до другой европейской конференции.

Как известно, это последнее предложение было принято. Решено было созвать в Гааге (в Голландии) две параллельных комиссии экспертов, одну русскую, вторую—других стран и установить на время работ этих комиссий всеевропейский мир.

14 мая союзники подписали протокол о созыве этих комиссий на 26-е июня. Российская Делегация заявила протест против образования двух экспертных комиссий, вместо одной, т.-е. против работ представителей буржуазных государств без России.

16-го мая Российской Делегации вручен был союзный проект о Гаагской конференции.

17-го мая Российская Делегация приняла этот проект, как и проект об отказе от взаимных нападений в течение четырех месяцев, как регулярных, так и иррегулярных войск.

18-го мая Соединенные Штаты Северной Америки сообщили державам о своем отказе от участия в Гаагской конференции.

19-го мая состоялось последнее заседание политической комиссии и последнее пленарное заседания Генуэзской конференции. Французский делегат, Кольра, в качестве председателя экономической комиссии, сделал доклад о работах этой последней, где указал, что комиссия искала путей для восстановления нарушенного равновесия в области производства европейских стран.

Затем выступал министр иностранных дел Германии, Вальтер Ратенау, подчеркнувший огромную задолженность всех государств, не соответствующую нынешнему состоянию их производительных сил, и отметивший в своей речи, что на Генуэзской конференции недостаточно выяснилась необходимость восстановления взаимного доверия для оздоровления международного хозяйства, которое возможно лишь при условии всеобщего сотрудничества народов и при «восстановлении хозяйственного организма России».

Говоривший от имени Российской Делегации т. Чичерин протестовал против того, что, по личному усмотрению председателя экономической комиссии, российские делегаты не были допущены в подкомиссию по рабочему вопросу, несмотря на то, что Россия является единственным в мире государством, построившим всю свою государственную систему на привлечении пролетариата к делу государственного управления. Далее т. Чичерин упрекал экономическую комиссию в том, что в ее постановлениях отсутствуют указания на право союзов и стачек, и не затронут вопрос о 8-часовом рабочем дне. Чичерин заявил, что, по мнению Российской Делегации, восьмичасовой рабочий день является основным принципом рабочего класса всего мира. Т. Чичерин резко подчеркнул, что экономическая комиссия не обнаружила достаточной смелости в осуществлении стремления всего мира к восстановлению мирового хозяйства.

На пленарном заседании с большой речью выступил Ллойд-Джордж, назвавший Генуэзскую конференцию «одним из важнейших этапов на пути к миру». Подчеркнув в своей речи важное значение принятых Генуэзской конференцией «пожеланий и советов» и призвав к тому, чтобы эти пожелания и советы были выполнены, ибо в противном случае «они лишь увеличат море бумаги, в котором мы все задыхаемся», Ллойд-Джордж главное внимание в своей речи уделил русскому вопросу и «предупреждал» Россию о том, что «без помощи мира она вряд ли оправится в течение одного поколения». Но помощь

она получит только в том случае, если будет считаться с «некоторыми предрассудками» этого мира. Один же из важнейших таких «предрассудков» заключается в том, что западно-европейцы всегда ждут уплаты за доставленный товар, возвращения одолженных денег, тех, кто уже раз одолжал деньги и хочет еще раз одолжить, они спрашивают: «Хотите ли вы уплатить свои старые долги?» Если Россия на этот вопрос ответит отрицательно, то Западная Европа сочтет себя вправе запретить одалживать ей новые деньги. Европа хочет и может помочь России, но, чтобы получить ее помощь, Россия должна признать «тот кодекс чести, который выработан целыми поколениями трудолюбивых и честных людей и который не может быть потрясен даже российской бурей». «Я,—говорил Ллойд-Джордж,—смотрю на Российскую Делегацию, как друг России, как человек, который бы хотел, чтобы этот великий, мужественный и храбрый народ был спасен. Я надеюсь, что Российская Делегация, когда она прибудет в Гаагу, не станет провоцирующим образом попирать ногами тех чувств и принципов, которые имеют глубокие корни в жизни Европы».

В жизни *буржуазной* Европы должен был бы сказать Ллойд-Джордж, ибо *пролетарская* Европа, как и весь мир трудящихся, давно уже весьма убедительно доказали, что в вопросах «кодекса чести», принципов и «некоторых предрассудков» она целиком стоит на точке зрения Российской Делегации, а вовсе не Ллойд-Джорджа и его единомышленников.

Говоривший после Ллойд-Джорджа Барту, отметил, что он находился еще в более тяжелом положении, нежели первый, ибо переговоры с Российской Делегацией были прерваны с французской стороны. Барту упомянул о тяжелом положении русского народа и заметил, что «когда люди страдают, их обыкновенно не спрашивают, какое правительство ими управляет, ибо в таком случае—обязанность поспешить к ним на помощь».

Барту, конечно, забыл отметить, что целых четыре года Франция не только «спрашивала» страдающий русский народ, какое правительство им управляет, но вооруженной рукой стремилась насильно навязать русскому народу такое правительство, которое нравилось Франции и этим не только увеличивала, но и порождала великие страдания русского народа.

Рассыпавшись в комплиментах и изъявлениях своей симпатии к русскому народу, Барту заявил, что «Франция никогда не забудет услуг, которые русская нация в продолжение трех лет оказывала в борьбе за цивилизацию».

Т.-е. услуг царского самодержавия французскому империализму. Вероятно, именно из благодарности современная Франция так стремится посадить опять царя на шею русского народа и столь упорно остается злейшим и гнуснейшим врагом последнего.

Отвечая Ллойд-Джорджу и Барту, т. Чичерин отметил, что «конференция, к сожалению, не исходила во всех пунктах из великого принципа, провозглашенного на первом пленарном ее заседании: «нет победителей и нет побежденных» и что «практические работы кон-

ференции не совсем отвечают тем большим надеждам, которые на нее возлагали народные массы, стремящиеся к миру». По поводу речи Ллойд-Джорджа т. Чичерин заявил, что эта речь так же мало убедит русский народ, как мало убедили его в том же самом, в чем теперь пытается убеждать Ллойд-Джордж, всякие белогвардейские банды, неоднократно врывавшиеся в Россию. «Российская Делегация, однако, закончил т. Чичерин, продолжает стремиться к соглашению и верит в то, что Генуэзская конференция была этапом на пути к настоящему миру».

Закрывая конференцию, ее председатель, г. Факта, развивал ту же тему о мире.

«Политика затрашнего дня,—заявил он,—будет находиться под знаком примирения. Вместе с договором о ненападении, даже если он носит временный характер, из Генуи раздался призыв к миру, являющийся самым ярким символом живейших стремлений наших сердец, который должен быть услышан европейскими народами».

Правильнее было бы сказать,—который потому и попал в «эти сердца», что давно уже является «живейшим стремлением» европейских *народов*.

Этим примиренческим аккордом закончилась Генуэзская конференция.

Прежде, чем перейти к ее оценке, необходимо хоть немного остановиться на закулисной стороне генуэзских переговоров, на том, что происходило не за зелеными столами официальных заседаний.

4. Закулисные переговоры. Взаимоотношения с другими делегациями.

С самого начала, еще до возникновения самих генуэзских переговоров, являлось чрезвычайно сомнительным, чтобы Россия могла в Генуе добиться полного соглашения сразу же со всеми представленными там государствами. Поэтому тактика сепаратных переговоров, попытки сепаратных соглашений и использования внутренних противоречий буржуазного мира сама собою диктовалась.

В период, когда буржуазные государства старались выработать единую для всех их линию поведения в отношении России и с этой целью созывали всякие предварительные совещания в Булони, Белграде и т. д.,—Российское Правительство предложило Прибалтийским Республикам, с которыми Россия находится в договорных отношениях и в вопросе о царских долгах имеет общие интересы, съехаться на конференцию в Ригу. Литва, по причине своих отношений с Польшей, отказалась от участия на этой конференции, Финляндия согласилась участвовать только в целях информации. Латвия, Эстония и Польша участвовали с решающим голосом.

29—30 марта состоялась эта предварительная конференция в Риге. На ней решено было всем договаривающимся координировать свои действия в Генуе, признано было, что в интересах восстановления хозяйства Европы необходимо признание Советского Правительства

de jure всеми государствами, которые его еще не признали, наконец, торжественно декларировано было стремление по всеобщему миру всех договаривающихся и провозглашен был принцип ограничения вооружений всех государств. Помимо того, был принят ряд резолюций, имеющих меньшее значение.

Если вспомнить постоянную первность Франции, как в вопросе о разоружении, так и в вопросе о признании Советского Правительства, то тот факт, что верные вассалы Франции, Польша и Латвия, под руководством своего беспринципного премьер-министра и Министра Иностранных Дел г. Мееровича, все время ведущая бесхребетную и неустойчивую политику,—все же решились на принятие таких, не могущих поправиться Франции, решений,—был хорошим предзнаменованием для Генуэзской конференции и показателем, что даже такие, несамостоятельные в своей политике, государства начинают высвобождаться из-под влияния Франции.

Действительно, «рижский протокол», как были названы принятые на рижском совещании решения, вызвал бурю негодования в реакционных кругах польской печати и общества и еще большее возмущение во Франции, что, конечно, нисколько не ослабляло политического значения этих решений.

Продолжая свою политику сепаратных соглашений, Российская Делегация остановилась по дороге в Геную на несколько дней в Берлине и вступила в переговоры с Германским Правительством о возобновлении дипломатических отношений между Россией и Германией, прерванных со времени высылки российского полномочного представительства из Берлина в 1918 году, и о других неразрешенных между обоими государствами вопросах.

Но в этот период общеевропейское политическое положение еще было достаточно неопределенным, а Германия еще питала несбыточные иллюзии в отношении Генуэзской конференции, полагая, что если она будет вести себя «паинькой», т.-е. не будет делать ничего неугодного союзникам, дело может дойти до пересмотра Версальского договора. Поэтому Германское Правительство в последний момент не согласилось подписать уже окончательно выработанный русско-германский договор, не сойдясь с Российской Делегацией в вопросе о возвращении собственности бывших собственников—немцев в России, при чем в этом вопросе Российская Делегация столкнулась с единым немецким фронтом, от крайних правых буржуазных германских партий и до «независимых социалистов» включительно.

По прибытии в Геную, сейчас же после первого пленарного заседания можно было наблюдать изменившееся отношение буржуазной Европы к России. Ясно было, что вся буржуазия стремится к возобновлению экономических сношений с Россией и дружественными ей советскими республиками. Даже такие, признанные, так сказать, враги Советской России, как Юго-Славия и Чехо-Словакия, совершенно недвусмысленно проявляли свой интерес к экономическим сношениям с Россией. Другие же прямо заявляли, что без этого не мыслят себе выхода из тяжелого положения.

Вопрос о бакинской и грозненской нефти играл здесь огромную роль. Нефть сразу стала яблоком раздора между Соединенными Штатами, Англией и Францией. Самые нелепые слухи о состоявшихся будто бы соглашениях России с кем-нибудь из конкуррентов в вопросе о нефти распространялись как раз в важный политически момент и служили орудием давления на противников в интересах проведения своей точки зрения.

Заинтересованность в экономических сношениях была так велика, что когда, в момент обострения переговоров, распространился слух о том, что союзники готовят Российской Делегации ультиматум, нейтральные государства с Швейцарией во главе, как говорят, заявили союзникам протест, объяснив, что они так заинтересованы в экономических сношениях с Россией, что не могут допустить разрыва, не испробовав всех возможностей соглашения.

Быть может, эта экономическая заинтересованность буржуазного мира в России была одною из причин, поставивших русский вопрос главным вопросом конференции.

В связи с этой изменившейся обстановкой, Германия убоялась, что в переговорах на «вилле Альберти,» в которых она не принимала участия, могут быть приняты решения, ей невыгодные, в частности, России всерьез могут предложить принять те права, которые вытекают для нее из Версальского договора,—Германия, испугавшись всего этого, дала понять советским делегатам, находившимся в сношениях с ее представителями за кулисами Генуэзской конференции, что она не прочь возобновить прерванные в Берлине переговоры.

Переговоры были возобновлены и в результате их, 16-го апреля в Рапалло, в помещении, занятом Российской Делегацией, был подписан русско-германский договор, выработанный еще в Берлине.

По этому договору дипломатические отношения между обоими государствами немедленно возобновляются, т.-е. Советское Правительство получало признание de jure со стороны первого западноевропейского государства.

Всякие взаимные расчеты между Россией и Германией признавались взаимно несуществующими, т.-е. Германия за себя и за своих капиталистов отказывалась от претензий за национализированное, секвестрированное или реквизированное имущество, а Россия отказывалась от тех требований к Германии, на которые имела бы право (без всякой надежды что-нибудь получить) по Версальскому договору.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Крестьянских, Красноармейских, Казачьих и Рабочих Депутатов на своем пленарном заседании 19-го мая, по докладу пишущего эти строки, «приветствовал заключенный в Рапалло русско-германский договор, как единственный правильный выход из затруднений хаоса и опасности войны», и «предписал Совнаркому и Народному Комиссариату Иностранных Дел допускать отступления от типа Рапалль-

ского договора лишь в исключительных случаях, когда эти отступления могут быть компенсированы особыми преимуществами для трудящихся масс Советской Республики».

Дипломатически этот договор имел еще и ту выгоду, что совершенно явно разрывал буржуазный фронт и давал в будущем Советской делегации право отвечать противникам на заявления, будто для восстановления экономических сношений необходимо предварительное признание Россией ее старых долгов, что это совершенно неверно, так как вот-де Германия отказалась от требований по старым счетам.

Поэтому именно Рапалльский договор вызвал такой взрыв негодования среди союзников, что одно время можно было опасаться, не выгонят ли они ее с конференции. Дело, однако, ограничилось тем, что Большая и Малая Антанта, Польша и Португалия прислали Германии ноту, в которой предложили ей отказаться от дальнейшего участия в работах политической комиссии на том основании, что Германия-де уже разрешила свои взаимоотношения с Россией. Германия с этим согласилась. Российская же делегация не удовлетворилась этим и послала Польше ноту протеста, в которой указывала последней, что если она требует от Германии неучастия в политической комиссии, потому что Германия заключила с Россией договор, то она по меньшей мере должна того же требовать и от себя, так как между Россией и Польшей заключен давно еще более исчерпывающий договор, чем между Россией и Германией. Вместе с тем в этой ноте Российская Делегация указывала Польше, что в ее отношении к праву России заключать договоры, она усматривает нарушение ею Рижского мира и последнего Рижского соглашения. По этому поводу завязалась переписка, в которой Российская Делегация высказала Польской все пункты своего неудовольствия ею за ее поведение в Генуе.

Наоборот, со всеми другими делегациями и официально и неофициально налажены были самые дружественные отношения.

Народы, не участвовавшие на конференции, как турецкий, черногорский, благодарили Российскую Делегацию за защиту ею их интересов, ибо, как известно, Российская Делегация была единственным государством, требовавшим участия на Генуэзской конференции Черногории и Турции.

Попытка так называемых «социалистов» из 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов поддержать протесты изгнанных грузинским народом меньшевиков и изобразить Советскую власть в Грузии, как насильническую и захватническую, окончилась ничем: Шанцер, председатель политической комиссии прислал-было по этому поводу ноту Российской Делегации, но после достойной отповеди последней замолчал, и грузинский вопрос совсем был снят с порядка дня конференции.

Представители трудящихся элементов, через головы официальных представителей, засыпали Российскую Делегацию знаками своего со-

чувствия и симпатии, а в самой Италии даже буржуазия при всяком появлении российских представителей недвусмысленным образом выражала ей свое уважение и внимание. Это настроение было так велико, что контр-революционные круги даже не рискнули на какие-либо враждебные России контр-демонстрации.

И в этом изменившемся отношении к Советской России широких народных масс—быть может, одно из важнейших завоеваний Генуэзской конференции.

III. Итоги Генуэзской конференции.

Если расценивать Генуэзскую Конференцию только с точки зрения ее реальных достижений, то значение ее может быть очень невелико. Сам отец Генуэзской конференции Ллойд-Джордж выразил ведь в своем последнем слове опасение, что Генуэзские резолюции могут только увеличить то море бумаги, которое и без того затапливает буржуазный мир. А если вспомнить, как буржуазия постоянно относится не только к таким никого не обязывающим резолюциям, как генуэзские, но и к формальным своим договорам, которые в случае необходимости попросту рассматриваются, как «клочки бумаги», то опасения Ллойд-Джорджа должны обратиться в полную уверенность.

Но значение Генуэзской конференции вовсе не в тех резолюциях, которые ею были приняты, *а в той новой специально-политической обстановке, которая ею была создана.*

При разнообразии интересов буржуазных государств и при взаимной вражде их между собой, Генуэзская конференция должна была служить самым разнообразным целям. Мы же можем ее расценивать только с точки зрения интересов мирового пролетариата. А в борьбе революционного пролетариата против его злейшего врага, буржуазии, важно и полезно все то, что ослабляет последнюю и усиливает первый.

Генуэзская конференция усилила вражду буржуазных государств между собой, она разбила, и внутри государственных рамок, мировую буржуазию на два лагеря: на лагерь пацифистский, искренне стремящийся к упрочению мира, и на лагерь воинственно-авантюристический, готовый в своих корыстных интересах продолжать и поддерживать политику, порождающую неустойчивость и тревожность. Этим самым Генуэзская конференция ослабила мировую буржуазию и, следовательно, была полезна мировому борющемуся пролетариату.

С другой стороны, Генуэзская конференция вскрыла обман лживых вождей известной части пролетариата. Она ясно показала, что, как в политических, так и в экономических вопросах, эти лжеучители идут за самой реакционной и контр-революционной частью буржуазии и, таким образом, просветляя сознание самых несознательных элементов пролетариата, Генуэзская конференция усилила ряды его революционно борющихся частей и, следовательно, опять-таки была полезна мировому пролетариату.

Но этого мало. Для пролетариата, поскольку он борется не вне ремени и пространства, а в определенную эпоху и в определенной бстановке, не могут быть безразличны те или иные взаимоотношение стане его врагов, не может быть безразличной и та или иная атмосера этой борьбы. Поскольку современная Франция является лидеом черносотенной буржуазии и застрельщиком буржуазной непримиримости и агрессивности, постольку мировому пролетариату важно, тобы Франция не одержала верх даже над своими буржуазными ее конкурентами. Поскольку же Советская Россия является единтвенным в мире рабоче-крестьянским государством,—мировому ролетариату выгодно все то, что усиливает и укрепляет положение оссии в так называемом мировом или европейском «концерте», т. е. среде буржуазных государств.

Генуэзская конференция с самого начала показала, что буржуазный мир устал от командования, от гегемонии Антанты и в особенности от гегемонии Франции; она показала также, что весь мир устал от Версальского мира, детища Вильсона и Клемансо, сохраняющего во всем мире послевоенную политическую и экономическую неустойивость и порождающего тревогу новой мировой войны.

Громадное большинство мировой буржуазии даже восторженно ипплодировало всем миролюбивым заявлениям Российской Делегации недвусмысленно показывало, что жаждет, наконец, полного покоя действительной возможности залечивать тяжелые раны последней ировой войны.

Поэтому на Генуэзской конференции с каждым днем возрастали импатии к миролюбивой политике Советской России и в той же мере осли антипатии по отношению к французской агрессивности и милитаризму.

Буржуазный мир *переориентировывался,* и те государства, котоые недавно еще ориентировались в сторону Франции, отшатнулись т нее и, пока еще, медленно и неуверенно начали переходить на стоону Советской России.

В результате, Франция оказалась *морально изолированной в Европе* и осталась почти без союзников, во всяком случае, без сочувтвующих. А моральный престиж Советской России чрезвычайно ырос.

Если Англия в своей борьбе против Франции руководствуется акими же империалистическими интересами, как и последняя, и этой точки зрения для пролетариата «оба хуже», то в данной обстаовке мировому пролетариату все же гораздо выгоднее победа английкого либерализма над французским черносотенством, а не обратно.

Поскольку Генуэзская конференция содействовала этому, потольку, опять-таки, она оказалась полезной революционному проетариату.

Тем более, что малые буржуазные государства, видящие уже Советской России единственное свое спасение и единственную свою ащитницу от поползновений больших империалистических хищников,

далеко еще не столь мужественны и решительны, чтобы итти за Советской Россией, пока она одна.

Но если Советская Россия в своей борьбе за мир имеет на своей стороне Великобританию, то вышеуказанная *переориентация* буржуазной Европы значительно облегчается.

И тут неважно, что в своем логическом продолжении для Советской России борьба за мир означает борьбу *за мировую революцию* и что по этому пути никакие буржуазные государства и никакие группы буржуазии за Советской Россией не пойдут.

По этому пути за нею идет мировой пролетариат; а развал и дезорганизация буржуазного мира, которые с каждым днем усиливаются, несмотря на все попытки Пуанкаре сцементировать его, и несмотря на все заявления Ллойд-Джорджа о том, что на буржуазной «Шипке все спокойно», в связи с растущей сознательностью масс и прояснением их классового самосознания—ускоряют темп мировой пролетарской революции.

Хочет-ли или не хочет того мировая буржуазия, но Генуэзская конференция открывает новый лист истории. Буржуазии никогда уже не собрать своих разрозненных рядов и ей никогда уже не добиться того, чтобы пролетариат слепо последовал за ней.

Новый этап в старой борьбе начинается.

И в этом действительное значение Генуэзской конференции.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

I. Серия Агитационно-пропагандистская.

1. Голод и из'ятие церковн. ценностей.

Вышли из печати:

ГОРЕВ. Церковное богатство и голод в России.
М. ГОРЕВ. Откуда неурожай и голодовки.
П. КРАСИКОВ. Кому помогают те, кто противится обмену церк. ценностей на хлеб для голодающих.
А. ЛУНАЧАРСКИЙ. Кому принадлежит церк. имущество.
ЛУНИН. О делах Тихоновских.

Находятся в печати:

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. Закрепим нашу победу.

2. К процессу правых социал-революционеров.

Вышли из печати:

В. МЕЩЕРЯКОВ. Партия С.-Р. Часть 1 и 2.
Ю. СТЕКЛОВ. Партия Социалистов-Революционеров.
БАРДИН. Эс-ер. убийцы и соц.-демократические адвокаты. Партия С.-Р. в Тамбовском восстании 1920—21 г. г.
ЩМЕРАЛЬ. Чехо-Словаки и эс-еры.
АЛЕКСЕЕВ-НЕБУТЕВ. Из воспоминаний левого эс-ера.

3. Единый натуральный налог.

Вышли из печати:

СВИДЕРСК. и КОЧЕТ. Закон о едином натуральном налоге.
А. ТОРОПОВ. Единый натур. налог и право замены. Государственный единый натуральный налог.
А. ТОРОПОВ. Единый натур. налог и специальные культуры.
Н. МОИСЕЕНКО. Ед. натур. налог и земля. (Пашня и сенокос).
А. А. Ед. натур. налог и скотоводство.
Н. СОКОВ. Льготы по единому налогу.

II. Методы политико-просветит. работы, пособия и программы.

Вышли из печати:

УСТИНОВ. Развитие речи.
ДОБЛЕР и СЛУХОВСКИЙ. О работе с передвижными библиотеками.
ЗАВАДОВСКИЙ. Программа лекций по биологии.
А. ПОКРОВСКИЙ. Библиотечная работа.
В. АДОРАТСКИЙ. Программа по основным вопросам марксизма.

Находятся в печати:

В. АДОРАТСКИЙ. Программа по осн. вопросам марксизма—2-е переработанное и дополн. издание.
Е. КАНТОР. Политграмота—пособие для лекторов и учащихся в еврейских школах.

III. Европа после войны.

Вышли из печати:

Шлихтер. Наша соседка Финляндия.

Готовятся к печати:

МАЙСКИЙ. Современная Германия.
ГРАЩЕ. Чехо-Словакия.
ШЛИХТЕР. Австрия.
Н. П. ПОПОВ. Как буржуазия разрешает национальный вопрос.
ФОСТЕР. Волны рабочей революции в Германии, Англии, Франц. и Италии (Перевод с Английского).

IV. Вопросы труда.

Вышли из печати:

А. ЛИСС. Профессиональные союзы и частн. предприятия.
ТОМСКИЙ. Профессиональные союзы на новых путях.
Б. ЛИВЩИЦ. Бюджетно-сдельная система оплаты труда.

Готовятся к печати:

ЮЗЕФОВИЧ. Принципы и практика профессионального движения. ч. I.

V. Кооперативная серия.

Вышли из печати:

УДАРОВ. Рабочий кооператив.
ПРИГРАДОВ-КУДРИН. Что такое жилищные товарищества.
СБОРНИК по сельско-хоз. и кустарной кооперации на татарск. языке. Перевод Шариф Тудинова.

VI. Классики Марксизма.

Находятся в печати:

Ф. ЭНГЕЛЬС. Революция и контр-рев. в Германии. Перев. и предисл. Степанова.
ЛЕНИН. Карл Маркс и его учение.

Готовятся к печати:

МАРКС. Наемный труд и капитал.

VII. Анти-религиозная серия.

Находятся в печати:

СТЕПАНОВ. Мысли о религии.

VIII. Художественно-литерат. серия.

Вышли из печати:

ИВАНОВ. Бронепоезд № 1469.—Повесть.

Находятся в печати:

ОРЕШИН. Микула.—Поэма. Издан. Иллюстр.
СИНКЛЕР. Джимми Хиггинс.
КАРПОВ. Рабочий район.—Пьеса на татарск. языке.

Готовятся к печати:

Сборник революц.-художеств. произведений.

IX. Разные.

Вышли из печати:

Н. СЕМАШКО. Охрана здоровья в новых условиях.
ГРАЦИАНОВ. Возделывание озим. пшеницы и проса в Ю.-В. Поволжьи

Находятся в печати:

А. ИОФФЕ. Генуэзская Конференция.
П. СТУЧКА. Учение о государстве и конституции в Р. С. Ф. С. Р.
СБОРНИК-БЮЛЛЕТЕНЬ статей и материалов о работе Главполитпросвета издательства „Красная Новь“, вып. 2-й.

Готовятся к печати:

Д. КУЗОВКОВ. Самые тяжелые налоги легче бумажных денег.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Москва, Издат. „Красная Новь“ при Глав. П. П.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, Милютинский пер., дом № 22, кв. 43.
ЭКСПЕДИЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА: Сретенка, 8.
Все издания имеются в книжном маг. „СЕРП и МОЛОТ“—Театральная д., 2-й Дом Советов и во всех книжных магазинах г. Москвы.

